

Равноапостольный Николай, архиепископ Японский

Память святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского празднуется Православной Церковью 3/16 февраля и в день Собора Смоленских святых (воскресенье перед 28 июля/10 августа)

Архиепископ Николай Японский родился 1 (13) августа 1836 года в Березовском погосте (с. Егорье-на-Березе) Бельского уезда Смоленской губернии¹ (ныне д. Береза Мостовского сельского округа Оленинского района Тверской области), был вторым сыном диакона Дмитрия Ивановича Касаткина и был крещен в честь Предтечи Господня Иоанна. Его мать Ксения Алексеевна умерла в 34 лет, когда Ивану было всего пять лет. В семье диакона Дмитрия Касаткина было четверо детей: первенец Гавриил, умерший во младенчестве, старшая дочь Ольга, второй сын Иван и младший сын Василий². Доход диакона был весьма скуден: хотя погост был центром Березовской волости и имел церковь, построенную в 1748 году, возле которой дважды в год - 23 апреля (день вмч. Георгия Победоносца) и в день Вознесения Господня - проводились ярмарки, в нем на 1836 год насчитывалось всего 5 дворов (7 мужчин и 6 женщин)³. Несмотря на крайнюю бедность, мальчика отдали учиться сначала в духовное училище уездного города Белый, а затем в Смоленскую семинарию. В числе лучших учеников в 1857 году был рекомендован и поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию с правительственной стипендией.

Молодой человек выказывал выдающиеся способности; предполагалось, что он останется при Академии для подготовки к профессорской деятельности.

Весной 1860 года в Академии было вывешено объявление с предложением от министерства иностранных дел, приглашавшее одного из выпускников служить настоятелем посольской церкви в Хакодате в Японии. К тому моменту, когда его увидел Иван Касаткин, записались уже трое: Благоразумов Николай⁴ и М. И. Горчаков⁵ – белыми священниками и еще один в каком угодно сане. Поначалу объявление не произвело на него особого впечатления. Спокойно прочитав это объявление, юноша пошел на всенощную, и во время богослужения у него неожиданно созрело желание непременно ехать в Японию. Как рассказывал впоследствии епископ Николай иеромонаху Андронику, прибывшему в Токийскую Миссию в 1898 году⁶, а позже студентам Токийской семинарии: возможно, на этот выбор повлияли рассказы преподавателя Смоленской семинарии Ивана Федоровича Соловьева о своем однокурснике, иеромонахе Исаии (Поликине) и о его самоотверженной работе членом Миссии в Китае⁷, возможно, свое влияние оказала книга «Записки капитана Василия Михайловича Головина о пребывании в Японии в связи с кораблекрушением у берегов этой островной страны в 1811-1813 годах», возможно, повлияло чтение критики из «Обломова», направленное на решение жизненного вопроса: служить Богу или миру, но при всем

¹ Смоленские епархиальные ведомости №№4, 7, 1912.

² Он родился 16 мая 1840 г., окончил в Смоленске духовную семинарию, служил там же священником, а затем, в сане протоиерея, перевелся в Сретенский женский монастырь г. Сызрани Симбирской губернии.

³ Церковь была разрушена во время Великой Отечественной войны; от бывшего села также ничего не осталось – нынешняя деревня Береза находится в 1 км от места бывшего поселения. В 2003 году храм в деревне Береза был восстановлен и нижний придел его освящен в честь равноапостольного Николая.

⁴ Николай Благоразумов – однокурсник будущего Владыки Николая, ректор Московской Духовной семинарии, затем протопресвитер Московского Успенского собора. Находясь в Москве, он был сотрудником Русской Духовной Миссии и оказывал помощь святителю Николаю и юной Японской Церкви.

⁵ Впоследствии - протоиерей, профессор Петербургского университета.

⁶ *Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский*. Творения. Книга I. Миссионерский год в Японии. – Тверь: Булат, 2004. С. 199.

⁷ Как раз в это время начался новый этап в жизни Миссии в Китае. В 1858 году был заключен Тяньцзинский договор, согласно которому европейским миссиям разрешалось иметь своего представителя в столице, и более не воспрещалась миссионерская деятельность среди местного населения. Началась активная работа по переводу богослужебных книг. До этого богослужение в Миссии совершалось на церковно-славянском языке, хотя ранее и предпринимались попытки перевода некоторых молитв и текстов Нового Завета на китайский и маньчжурский. Благодаря трудам Миссии под руководством иеромонаха Исаии (Поликина), архимандритов Палладия (Кафарова) и Гурия (Карпова), удалось перевести достаточное количество книг, что позволило в 1882 году совершить первое богослужение на китайском языке. Сам иеромонах Исайя (+1871) в 1860-1868 годах составил русско-китайский словарь богословских и церковных речений (свыше 3,3 тыс. лексических единиц). В 1902 г. Китай получил своего Владыку в лице епископа Иннокентия (Фигуровского).

при том — «твердо признаю, при всем достоинстве своем, что воля Божия послала меня в Японию». Архимандрит Георгий (Тертышников), исследуя жизнь и деятельность святителя и познакомившись с его характером, более точно определил причину неожиданной метаморфозы: «За все предшествующие годы он приучил себя быть внимательным к внутреннему голосу и, когда в душе прозвучал призыв на служение Церкви, он с глубокой верой в промысел Божий, подобно пророку Исаии, ответил: "...вот я, пошли меня" (Ис., 6, 8)»⁸.

Вернувшись от всенощной, он в глубоком волнении направился к ректору академии, преосвященному Нектарию (Надеждину), епископу Выборгскому, и заявил ему о своем желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом. Ректор академии очень сочувственно отнесся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту. В самый непродолжительный срок судьба Ивана Дмитриевича Касаткина была решена. Протопресвитер Николай Благоразумов вспоминал впоследствии: «Студентов охотников (т.е. посвятить себя миссионерству) записалось тогда человек 10-12-ть, и все при условии женитьбы, а Касаткин - один монахом и перебил всех».

Еще А. Казим-Бек⁹ обратил внимание, что уже к времени пострижения святитель Николай был не по летам закаленным, выносливым и волевым человеком, давно решившим посвятить свою жизнь служению Церкви. Он родился в семье бедного сельского диакона, и для поступления в семинарию ему пришлось пройти 150 верст пешком, т. к. денег на подводу не было. Да и после поступления он годами терпел лишения и голод (пока не был за казенный счет принят в Духовную Академию).

21 июня 1860 года юношу постригли в монашество с именем Николая. 29 июня, в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор 12 Апостолов (престольный праздник академической церкви), – в иеромонаха. Епископ Нектарий, постригавший юношу в монахи, нарек его Николаем и сказал: «Не в монастыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские».

В конце июня иеромонах Николай покинул Петербург и три дня провел со своими родными в деревне. Простившись с ними, он отправился в далекий путь. С собою он взял Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю жизнь.

«Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении, как невеста, поджидающая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздастся в Японской стране... Приехал, смотрю, - моя невеста спит самым прозаическим образом и даже и не думает обо мне»¹⁰.

В июле 1860 года иеромонах Николай пересек Сибирь на лошадях, достиг Иркутска в конце августа и Николаевска-на-Амуре в конце сентября. Так как морская навигация уже завершилась, здесь ему пришлось зазимовать, и он провел зиму вместе со знаменитым сибирским миссионером, Преосвященным Иннокентием (Вениаминовым) епископом Алеутским, Курильским и Камчатским (позже митрополитом Московским; память святителя, просветителя Сибири и Аляски 31 марта/ 13 апреля и 23 сентября/ 6 октября). Святитель Иннокентий в течение зимы многому научил своего собеседника, основываясь на своем богатейшем миссионерском опыте. Он благословил его на предстоящие труды и посоветовал вплотную заняться изучением японского языка. Многоопытный просветитель язычников посоветовал молодому иеромонаху "перевести Священное Писание и молитвослов на язык новообращенных туземцев с тем, чтобы православие укоренилось в их культуре". Это стало для Николая настоящей программой действий.

Видя скромную рясу иеромонаха, святитель Иннокентий сказал Николаю, что на азиатско-язычников миссионер должен произвести впечатление, в первую очередь, своим представительным видом. Купив подходящий для случая отрез бархата, он сам сшил для будущего православного пастыря Японии рясу. Он также указал, что проповедники Христа в Японии не могут не носить

⁸ Архимандрит Георгий (Тертышников). Святой Равноапостольный Николай, Архиепископ Японский, Фессалоники: 1995.

⁹ Казим-Бек А. Апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин) // ЖМП, 1960, №7, стр. 43-58.

¹⁰ Цит. по: Николай-До. СПб.: Библиополис, 2001.

наперсного креста, и собственноручно возложил на будущего миссионера крест, который получил за участие в Крымской кампании 1854-1856 гг.¹¹

По рекомендации владыки иеромонах был устроен на жительство в семью флотского поручика Осипа Макарова, младший сын которого Степан обучался в местном морском училище. Впоследствии отец Николай напишет в своем дневнике о знаменитом адмирале: "Макарова я знал еще 12-летним мальчиком, когда в 1861 году зимовал в Николаевске на пути в Японию...". Воскресные вечера о. Николай проводил у Преосвященного Иннокентия и поучался у него устройению Православной Церкви в языческой азиатской стране.

2 (14) июня 1861 года иеромонах Николай на военном транспорте «Амур» прибыл в японский порт Хакодате на юге острова Эдзо (Хоккайдо). Суровая жизнь провинциальной Японии очень скоро заставила его пересмотреть перспективы, которые он рисовал в воображении до прибытия на место своего пастырского служения. Однако он вскоре вынужден был убедиться, к великому своему сожалению, но отнюдь не разочарованию, что сразу невозможно приступить к проповеди Евангелия, ибо "тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство как на зловредную секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи"¹².

Хакодате

Первыми европейцами в Японии стали португальские моряки, высадившиеся в 1542 году на лежащем к югу от о. Кюсю островке Танэгасима, а уже моряки, как это было и в других странах, проложили путь торговцам и миссионерам. Посланцев христианских церквей в Японии называли "южными варварами", поскольку они прибывали на кораблях с юга.

Авангардом распространения христианства в Японии были иезуиты, стремившиеся подчинить себе японское общество. Им удалось глубоко укорениться в южных провинциях страны. Юг Японии стал своего рода государством в государстве. Первым миссионером стал иезуит Франциск Ксавьер (1506-1552), близкий друг св. Игнатия Лойолы – основателя ордена. Проповедь Ксавьера была благожелательно воспринята местными жителями. В Нагасаки он основал первую в Японии миссию, составил первый небольшой катехизис на японском языке и крестил примерно 150 человек. Но языковой и психологический барьеры были настолько велики, что послушная паства получала о христианстве весьма туманное представление. Новообращенные воспринимали его как одну из новых форм буддизма. Привлекали японцев и внимание христианства к нуждам человека, проповедь равенства, новизна обрядов, одежды, символики. Миссионеры открывали не только церкви, но и школы, что увеличивало притягательность новой религии. Для феодалов контакты с европейцами открывали возможность получения современного по тем временам оружия и ведения выгодной торговли. Поэтому они в первую очередь и обращались в христианство, что являлось примером и для простолюдинов. Призыв отказаться от всего мирского, избавить сознание от привязанностей этого непостоянного мира, были понятны самураям, воспитанным в строгости учения Дзэн.

Тогдашний реальный властитель Японии, сегун Ода Нобунага был горячим покровителем миссионеров-христиан. Боровшийся с всевластием буддийских монастырей военный правитель поддержал миссионеров, дав им официальное разрешение на проповедь католицизма. К 1580 году в стране насчитывались около 200 католических церквей и более 200 тысяч крещеных японцев.

Сменивший Нобунагу, сегун Тоётоми Хидэёси, занятый объединением страны, относился к религии, и к христианству в частности, достаточно безразлично. Он разрешил построить церковь вблизи своего замка в Осаке и терпел христиан даже среди своих приближенных.

Стремительная активность, расширение сфер влияния португальцев, осязаемые успехи в борьбе за паству (в 1614 году христиан было около 500 тыс. человек) вселили в них уверенность, даже самоуверенность. Принявшие христианство феодалы стали под влиянием своих духовных наставников изгонять буддийских священников из своих владений. К тому же усиление с помощью европейцев местной власти шло вразрез с интересами центрального правительства Японии.

---

¹¹ См.: *Авраамий, архим.* Первый Благовестник Православия в Японии, архиепископ Николай (Касаткин) // *Сергий (Страгородский), архим.* По Японии (Записки миссионера). М., 1998. С. 193.

¹² *Платонова А.* Апостол Японии. – Петроград, 1916. С. 9-11. Нередки были случаи убийств иностранных граждан-инициаторов. См., напр.: Известие из Японии // *Морской сборник.* СПб., 1859. № 12. С. 106-109; Плавание эскадры Сибирской флотилии к японским берегам летом 1859 года и убийство в Канагаве мичмана Мофета // *Морской сборник.* СПб., 1860.

Крестившиеся феодалы Кюсю богатели от торговли с единоверцами, но отказывались платить налоги со своих доходов, а это абсолютно не устраивало центральное правительство.

Возникла обратная реакция, реакция неприятия и отторжения. Появились первые указы, запрещавшие местным даймё принимать христианскую веру. В 1587 году Гоётони Хидэёси огласил предписание всем христианским проповедникам покинуть Японию в 20-дневный срок.

В первую очередь указ был направлен на возвращение контроля над Нагасаки, к этому времени практически управлявшимся иезуитами и японскими христианами. В том же году Хидэёси, начав военную кампанию против княжества Сацума на Кюсю, назначил собственного наместника для управления Нагасаки, считая, что город должен стать базой для утверждения его власти на этом острове. В провозглашении японскими христианами лояльности папе римскому Хидэёси не без оснований видел прямую угрозу своим усилиям по объединению страны. Не в последнюю очередь запрет на проповедь христианства был связан и с тем, что европейцы развернули в Нагасаки привычную для них работорговлю, чего до этого времени абсолютно не знали японцы.

И, тем не менее, претворять в жизнь свой указ Хидэёси не спешил. Лишь 10 лет спустя, 5 февраля 1597 года, в Нагасаки были с особой жестокостью распяты на кресте 6 миссионеров и 20 новообращенных японских христиан. Они были схвачены в Киото, подвергнуты пыткам, а затем начали свой скорбный путь на Кюсю, причем в каждом городе их ожидали публичные истязания. Запылали церкви и семинарии. Согласно церковным отчетам, за период с 1597 по 1660 годы было казнено свыше 3 тысяч японцев-христиан. Их мученическая смерть должна была, по замыслу властей, похоронить интерес к чужой вере.

Поначалу гонения распространялись в основном на португальцев, но в 1624 году из Японии были высланы и испанцы, еще раньше страну добровольно покинули англичане, не увидевшие особых выгод от торговли с разоренной войнами страной.

Прагматичных японцев беспокоили не столько догматы католицизма, ставившие верность Риму выше преданности господину, сколько возможность того, что христианство может стать каналом для колонизации страны европейскими державами. Пример соседних Филиппин, куда испанские солдаты вошли следом за миссионерами, им был хорошо известен. В 1636 году был провозглашен указ сёгуна, запрещавший японцам под страхом смертной казни покидать страну или возвращаться из-за границы.

Крестьянское восстание 1637-1638 годов в местечке Симабара недалеко от Нагасаки охватило области, населенные христианами. Хотя оно было спровоцировано чрезмерным обнищанием крестьян из-за грабительских налогов местного феодала, тем не менее, во всем были обвинены «варвары-христиане», проповедь христианства была запрещена, отношения с Португалией, а в 1640 году и с Голландией были прерваны. Япония стала абсолютно закрытой страной и на протяжении двух веков отказывалась от торговли с христианскими странами Европы и Америки.

Общение началось по инициативе США, которые достаточно агрессивно начали переговоры и буквально заставили японское правительство заключить договор о мире и сотрудничестве. В 1852 году американское правительство поручило миссию заключить торговый договор с Японией коммодору военно-морских сил Мэттью Перри. Президент США Миллард Филлмор, дал ему директиву, что в случае нежелания японской стороны идти на переговоры применять вооруженную силу. 8 июля 1853 года эскадра коммодора Перри, состоящая из трех паровых фрегатов и семи парусных шлюпов, стала на якорь близ города Эдо, в котором располагалось правительство¹³. Японцы впервые видели черные паровые суда, выпускавшие чёрный дым, поэтому назвали их «черными кораблями». Эскадра имела на вооружении около сотни новейших орудий Пексана, стрелявших разрывными бомбами, и 2 тысячи моряков. Американцы заняли боевую позицию и выпустили десять сигнальных выстрелов в воздух, что породило панику в городе. Эта демонстрация силы возымела свое действие, но из-за болезни сёгуна переговоры были отложены на год.

27 июля 1853 года умер 12-й сёгун Токугава Иэёси. Коммодор Перри, находившийся в Гонконге, узнал, что сёгун умер и, пользуясь суматохой в Японии, решил плыть туда немедленно, презрев обещание ждать год. 27 февраля 1854 года американская эскадра выстроилась в боевой строй перед г. Эдо, демонстрируя готовность идти на город в случае отказа японской стороны подписывать соглашение. Тринадцатым сёгуном стал Токугава Иэсада, сын покойного. Как и его отец, он был

---

¹³ Столицей Японии являлся г. Киото, где находился император, но фактически страной управлял сёгун, его правительство располагалось в г. Эдо (ныне Токио).

болезненным и не мог вести государственные дела. Поэтому вопрос заключения соглашения с США пришлось решать главе правительства Абэ Масахиро.

31 марта 1854 года японское правительство в селе Йокогама, находившееся неподалеку городка Канагава провинции Мусаси подписали неравноправный договор о мире и дружбе между Японией и США, вошедший в историю как Канагавский¹⁴.

В июле 1858 г. Соединенные Штаты настояли на заключении с Японией торгового договора. Американцы добились открытия новых портов, предоставления своим гражданам права постоянного жительства в Симода и Хакодате, расширения прав экстерриториальности, принятия скользящей шкалы тарифов — от 5 до 35% стоимости товаров. Этот договор открывал японский рынок для иностранных товаров, устанавливал грабительские таможенные тарифы, вводил невыгодный обменный курс валют, закреплял систему экстерриториальности иностранцев¹⁵. Из-за отсутствия у японских чиновников опыта в ведении международных дел тексты этих договоров были написаны иностранцами¹⁶. Но, прежде всего, этот договор лишил Японию таможенного суверенитета и сделал еще более неравноправными двусторонние отношения.

Аналогичные договоры были подписаны с Голландией, Россией и Великобританией (август 1858 года), Францией (октябрь 1858 года), Португалией (август 1860 года). Таким образом Япония вышла из состояния изоляции на мировую арену, но не как самостоятельное государство и равноправный партнер, а как зависимая, опутанная неравноправными соглашениями страна.

Русское правительство решилось на попытку открыть дипломатические отношения с Японией также в 1852 году. Не в пример американцам представитель России не должен был прибегать к угрозам и иметь первой целью демаркацию русско-японской границы¹⁷. Возглавил экспедицию вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин. В состав ее среди прочих также вошли И. А. Гончаров как секретарь Путятина, И. А. Гошкевич как знаток китайского и корейского языков. Так как было известно, что снаряжалась эскадра Мэттью Перри, то Путятин получил указание начинать переговоры после американцев. Они вышли на фрегате «Паллада» из Кронштадта 7 октября 1852 года: маршрут пролегал вокруг Африки, через Индийский океан¹⁸. В ходе путешествия выяснилось, что фрегат «Паллада» оказался непригоден для такой экспедиции, и из Петербурга был вызван другой, более надёжный 52-пушечный фрегат — «Диана».

Спустя месяц после первого визита Перри, 12 августа 1853 года «Паллада» прибыла в порт Нагасаки, однако, как и американскому коммодору, им было предложено подождать до выздоровления сегуна. Путятин отправился исследовать восточное побережье Приморья, где его и застала весть о подписании Канагавского соглашения.

Путятин на фрегате «Диана» прибыл в японский порт Симода 22 ноября 1854 года, спустя почти полгода после второго визита Перри. 22 декабря в Симодэ начались переговоры, однако 23 декабря в результате опустошительного землетрясения и последовавшего за ним цунами фрегат «Диана» был серьёзно повреждён, а 5 января 1855 при транспортировке в бухту Хэда, находившейся в 60 км от Симоды, в которой планировалось его отремонтировать, корабль экспедиции затонул во время шторма. Экипаж экспедиции, потерявший трёх матросов, был вынужден переселиться на берег, где была организована помощь местному населению, пострадавшему в результате цунами: в Симодэ из 1000 домов уцелело только 60¹⁹. Экспедиция Путятина была расквартирована в деревне Хэда на полуострове Идзу.

Наконец, 7 февраля 1855 года в городе Симода был подписан первый договор о дружбе между Россией и Японией, известный как Симодский трактат. Согласно этому трактату между двумя

---

¹⁴ Основное его содержание сводилось к следующему. Были открыты порты Симода и Хакодате для захода американских кораблей и снабжения их всем необходимым; урегулирован порядок обращения с потерпевшими кораблекрушение; американцы получили право вести торговлю; разрешалось хождение любой иностранной монеты наряду с японской; США получили статус наиболее благоприятствуемой нации. Договор послужил образцом для заключения аналогичных соглашений с другими странами. В октябре 1854 г. был подписан японо-британский, а в январе 1855 г. — японо-русский договор (получивший название «Симодский трактат»). Продолжили серию подобных договоров Голландия (январь 1856 г.), Франция (октябрь 1858 г.) и ряд других государств.

¹⁵ Экстерриториальность это — изъятие иностранцев из местного законодательства, право их подлежать действию законов своего государства во время нахождения в иностранном государстве.

¹⁶ Жуков А.Е. История Японии. Т. 2. 1868-1998. М., Институт востоковедения РАН. 1998. с. 8.

¹⁷ См.: Известия из Нагасаки: 21 августа (2сентября). 1853 // Морской сборник. СПб., 1853. № 12. С. 168-171.

¹⁸ Это путешествие было описано в романе «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова.

¹⁹ Крылов В.Я. Александр Федорович Можайский. Жизнь замечательных людей. — Л.: Молодая гвардия, 1951, с. 46-47.

странами устанавливались дипломатические отношения; для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки и Симода, где разрешались торговые сделки в ограниченных размерах и под присмотром японских чиновников; в одном из портов назначался российский консул, а также устанавливались границы: Японии отходила часть Курильских островов. Сахалин объявлялся неразделённой демилитаризованной зоной.

По просьбе Путятина, экспедиции были выделены рабочие и материал для строительства судна, на котором русские моряки смогли вернуться в Россию. Для Японии это был первый опыт строительства кораблей западного образца. 14 апреля шхуна под названием «Хэда», названная в честь гостеприимной деревни, была спущена на воду. 26 апреля Путятин с частью экспедиции отправился в Россию²⁰.

В 1857 году Путятиным в Нагасаки был заключён уже и договор о торговле между двумя странами²¹, а 7 августа 1858 года в Эдо он заключил ещё один выгодный договор, по которому Япония обязывалась открыть для русских судов вместо Симоды более удобный порт, упростить торговлю и разрешить открытие в Японии православной церкви.

Руководствуясь достигнутыми договоренностями, Россия открыла консульство в г. Хакодате в сентябре 1858 года. При консульстве в г. Хакодате на о. Эдзо (Хоккайдо), как месте стоянки наших военных судов, должен был быть лазарет, при нем врач и священник. Первым русским консулом в Хакодате был назначен Иосиф Антонович Гошкевич (1814-1875), личность замечательная во многих отношениях²². Он прибыл в Хакодате в третьей декаде сентября 1858 года в сопровождении семьи, морского офицера, врача, священника, четырех слуг и двух служанок.

Сначала богослужение велось в приспособленном помещении на территории буддийского храма. Первое здание православного храма было построено на консульские средства и освящено в октябре 1860 года. И. А. Гошкевич – архитектор и ктитор храма – решил посвятить его Воскресению Христову в связи с надеждой на воскресение в Японии христианства, однажды уже широко распространенного здесь. Собор среди местного населения, замороженного его непривычным колокольным звоном, был известен как «Гангандэра» («Храм бом-бом»). В его внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками «татами», устилавшими пол, почти как в буддийском храме.

При соборе действовали классы русского языка, а со временем неподалеку было открыто кладбище для иностранцев, где нашли свой последний приют псаломщик Виссарион Сартов, жена И.А. Гошкевича Елизавета и несколько матросов с русских кораблей²³.

Настоятеля храма протоиерея Василия Махова болезнь вынудила уже через год покинуть Японию. Тогда же русский консул через Азиатский департамент Министерства иностранных дел направил в Святейший Синод прошение о присылке преемника. Будучи сыном приходского священника, консул просил не просто о священнослужителе для отправления служб в консульской церкви, а о проповеднике, готовом нести слово Божие японцам. В своем письме Святейшему Синоду И. А. Гошкевич убедительно просил, чтобы ныне посылаемый священник был "не иначе, как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной

---

²⁰ Большая часть матросов и офицеров с «Дианы» была перевезена в Россию на американских кораблях до и после спуска «Хэды».

²¹ См.: Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост., введ. и прим. Александренко В.Н. Варшава, 1906. С. 128-130 и др.; Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ивановский И.П. Одесса, 1890. Т. 1. Ч. 1. С. 731-762; Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., б/г. С. 257-279.

²² И. А. Гошкевич, сын белорусского священника, учителя церковно-приходской школы, окончил СПбДА, после чего был направлен в Китай, где 10 лет (1839-1849) прослужил в составе русской православной миссии. Одаренный лингвистическими способностями, он изучил в Пекине китайский, маньчжурский, корейский и монгольский языки. Вел астрономические и метеорологические наблюдения, отчеты о которых отправлял в Пулково, трижды обогнул земной шар на парусных судах, собирал коллекции фауны и флоры (коллекции раковин южных морей и китайских бабочек были подарены им Зоологическому музею – бывшей Кунсткамере). В 1852 году, когда в Петербурге формировалась экспедиция к берегам Японии, Гошкевич был прикомандирован к ее начальнику, вице-адмиралу Путятину, переводчиком. Он стал автором первого японо-русского словаря. Гошкевич покинул Японию в 1865 году. Вернувшись в Петербург, он прослужил два года в Азиатском департаменте МИДа, после чего вышел в отставку.

²³ См.: *Иванова Г.Д.* Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836-1912). СПб., 1996. Вып. 2. С. 12.

деятельностью, но и учеными трудами, и даже своею частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам"²⁴.

Иеромонах Николай как нельзя лучше подходил для проповеди Православия в Японии и быстро нашел общий язык с консулом. Они оба окончили Петербургскую духовную академию. Гошкевич стал не священником, а дипломатом, однако долго служил в русской духовной миссии в Пекине и никогда не упускал из виду дела церковные – первый православный храм в Хакодате был выстроен по его инициативе. В свою очередь святитель Николай, избравший путь пастырского служения, на протяжении полувековой деятельности в Японии не раз проявлял себя как блестящий дипломат – в самом широком и положительном смысле этого слова.

«Япония – золотая середина... Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отжила, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтоизм, хранимый теперь Двором во всей его точности», – писал Владыка²⁵.

В Японии тех лет по-прежнему продолжал сохранять силу закон 1614 года, по которому исповедание христианства в стране было запрещено, а все книги и изображения христианского содержания подлежали безоговорочному уничтожению. Поэтому на первых порах деятельность святителя Николая ограничилась церковными службами для консульских служащих и моряков российского флота, заходивших время от времени на военных судах в незамерзающий порт Хакодате перезимовать или только за продовольствием и водой.

Следует заметить, что в эту пору отношение японцев к иностранцам было весьма недоброжелательным. Навязанные западными странами договоры «о мире» вызывали крайнее неудовольствие у самураев, считавших иностранцев «варварами» и ратовавших за их полное изгнание. Соответственно, открытие страны и появление иностранцев способствовали развитию крайней ксенофобии, проявлявшейся порой в открытом насилии. Так, за первое полугодие 1861 года было убито шесть иностранцев. Вооруженные нападения на христиан, в которых японцы видели едва ли не главных своих врагов, происходили в Киото и Иокогаме. За месяц до прибытия отца Николая в Японию, в мае 1861 года банда ронинов (странствующих самураев) напала на храм Тодзэн-тэра в г. Эдо (Токио), предназначенный для английского посольства и ранила двух дипломатов. В Хакодате инцидентов подобного рода не было, однако и к русским японцы относились с ничуть не меньшей, а то и большей подозрительностью, чем к другим иноземцам. Поначалу о. Николая принимали за европейского шпиона и спускали на него собак, а встречные самураи грозили иеромонаху клинками.

Надо сказать, что после приезда в Японию юный иеромонах был разочарован и пришёл к мысли о том, что проповедь христианства среди японцев невозможна из-за «отсутствия у них логического мышления», атеизма высших слоев общества и сильного влияния буддизма и синтоизма. Впоследствии успехи миссионерской деятельности заставили его изменить первоначальный взгляд

«Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага: мир, плоть и диавол – со всей силою восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же темном, узком месте, и искушения эти были самые законные по виду: «Разве я, как всякий человек, создан не для семейной жизни? Разве не можешь в мире блистательно служить Богу и ближним? Разве, наконец, не нужны ныне люди для России более, чем для Японии?» И т. д. Тысячи наговоров выливают тебе в уши, и это каждый день и час, и наяву и во сне, и дома в келье, и на молитве в церкви. Много нужно силы душевной, великое углубление религиозного чувства, чтобы побороть все это»²⁶.

«Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему на свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один... И такие люди, как пресловутый знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка! Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию! Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи.

---

²⁴ Дневники Святого Николая Японского // Комментарии от редакции. Сост.: Накамура К. и др. Саппоро, 1994. Т. 1. С. II.

²⁵ Дневник, 19 сентября 1889 года.

²⁶ *Марк (Лозинский), игумен.* Святой Николай, Архиепископ Японский. В кн.: Доклады и статьи. Машинопись. Т. 1, г. Загорск, Лавра, МДА, с. 185-230, с. 107-108.

Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить по-японски и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений. С этим знанием я немедленно приступил к переводу Нового Завета на японский»²⁷.

Сначала его учил японскому переводчик хакодатского губернатора. По рекомендации последнего иеромонах Николай стал посещать частную школу известного своей редкостной эрудицией Кимура Кэнсая. Там же он занялся изучением истории и литературы Японии, а также буддизма, синтоизма и конфуцианства. Помимо Кимуры Кэнсая, его наставниками были Сага Дзюан и Ниидзима Симэта. На кабинетные занятия ушло 8 лет. Практически все это время он занимался по 14 часов в сутки. В эти годы отец Николай писал: "... бился над японским языком, чуть не ежедневно вздыхая о том, что сутки не из ста часов, и нельзя все эти сто часов употребить на изучение японского языка"²⁸. "Много было потрачено времени, - писал он, - и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух; природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто китайского наречия до простонародной речи, в которой, однако, неминуемо вплетаются китайские односложные слова".

Святитель Николай готовил себя для проповеди на японских шхунах и в японском обществе, в японской столице и в северной рыбацкой деревне. «Он должен был усвоить и приемы японского красноречия, и саму манеру японского мышления. Поэтому от книг он отрывается, чтобы идти в «говорильни», обедает в дешевых столовых, заходит в кумирни. Он должен был узнать, чем живет умственно и физически этот народ и как он молится в городе и в деревне». Поэтому, «если апостол Павел для эллинов становился эллином, то святитель Николай для японцев стал японцем»²⁹.

Тогда же он стал посещать литературные собрания и языческие храмы. Известный русский востоковед Д. М. Позднеев пишет: «Путем постоянного чтения японской литературы и постоянного общения с японцами отец Николай достиг удивительного знания японского разговорного и книжного языка. У него был сильный иностранный акцент, однако это не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика, богатство словаря и легкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев... Фразы были краткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные»³⁰. Он добился такого знания языка, что, по свидетельству Д. М. Позднеева, мог говорить, не прерываясь, в течение двух часов. Нередко его публичные выступления прерывались аплодисментами присутствующих японцев за особо удачную мысль или грамотно сконструированную сложную фразу³¹. Н. А. Суханова пишет, что он говорил не с иностранным акцентом, а «с сильным акцентом северо-японского диалекта, впрочем, понятного всем японцам»³².

Знание языка позволило святителю Николаю активно заняться изучением истории и культуры страны. Он сумел настолько основательно изучить язык, что читал в подлиннике древнейшие литературные памятники Японии: "Кодзики" ("Записи о делах древности") и "Нихонсеки" ("Анналы Японии"). Его многолетняя упорная работа послужила причиной того, что японская периодическая печать неоднократно писала о нем, как о человеке, знавшем Японию и ее культуру лучше, чем сами японцы. Святитель в совершенстве овладел японским языком; его речь, яркая и образная, отличалась силой и выразительностью, благодаря чему его проповеди стали знаменитыми во всей Японии.

²⁷ Платонов А. Апостол Японии. Очерк жизни архиепископа Японского Николая, Петроград, 1916, с. 19.

²⁸ В Японии жатвы много... Письмо русского из Хакодате. "Христианское чтение", 1869, ч. 1, с. 239-258, с. 247,248.

²⁹ *Архиепископ Антоний (Мельников)*. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. // Богословские труды, 1975, сб.14. с. 14.

³⁰ *Позднеев Дм.* Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика). СПб., 1912. Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1937) – известный русский востоковед, основоположник отечественного японоведения. Родился в семье протоиерея Сретенской церкви г. Орла. Закончил Киевскую духовную семинарию (историческое отделение) и Санкт-Петербургский университет (факультет восточных языков). Служил чиновником по особым поручениям Министерства финансов сначала в Петербурге, а с 1898 года – в Пекинском отделении Русско-китайского банка. В 1904–1905 годах – директор Восточного института во Владивостоке. В конце 1905 года Д.М. Позднеев уезжает в отпуск в Японию, где остается для занятий японским языком и изучения страны до 1910 года. Именно тогда Д.М. Позднеев близко знакомится со святителем Николаем. Позднеев – автор первого «Японо-русского иероглифического словаря» (Токио, 1908) и труда «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России» (1909). Преподавал в Практической Восточной Академии (1910-1917 гг.) и в ЛВИ ЛГУ. Расстрелян 20 октября 1937 года.

³¹ См.: *Кривко Ю.Б.* Православието по света: Япония // Църковен вестник. София, 1994. № 11 (45) (ноеври). С. 8.

³² *Суханова Н.А.* Цветущая ветка сакуры. История Православной Церкви в Японии. – М.: Издательство храма святой мученицы Татианы. – 2003. – 96 с.

«Я старался сначала со всей тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью, и чем больше я знакомился со страной, тем более убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесется из конца в конец империи». В письме к святителю Иннокентию он писал: "Много лет меня также манила на свое поле наука; японская история и вся японская литература - совершенно непочатые сокровища, - стоит лишь черпать целыми пригоршнями, все будет ново, интересно в Европе, и труд не пропадет даром"³³. Его научные труды, опубликованные в ряде церковных и светских журналов, безусловно, стали оригинальным и ярким явлением в отечественной исследовательской литературе тех лет.

Его научные труды, опубликованные в ряде церковных и светских журналов, безусловно, стали оригинальным и ярким явлением в отечественной исследовательской литературе тех лет. В очерке "Япония с точки зрения христианской миссии" святитель Николай представил на суд российского читателя достоверную картину жизни токугавского общества в последний период сёгуната. Исходя из имеющихся в его распоряжении фактов, он провидчески предсказал в недалеком будущем процесс объединения страны под легитимной властью императора и неминуемое открытие ее для иностранцев.

Другим исследованием святителя Николая стал труд, посвященный непосредственно институту императорской власти в Японии в сравнении с периодом сёгунского правления страной. Среди использованных им источников было многотомное сочинение Рай Санъе "Нихон гайси" ("Неофициальная история Японии"), писавшееся в течение 20 лет в самом начале XIX в. В своей работе, опубликованной спустя год после событий, получивших в японской историографии наименование "реставрации годов Мэйдзи" (1868), святитель Николай отмечал быстрый рост и опережающее развитие (по сравнению с другими дальневосточными странами) японской цивилизации. "Японцы, всего 50 лет тому назад казавшиеся такими же непробудно сонными и неподвижными, как китайцы, в настоящее время имеют уже военный флот паровых судов, на котором ни человека европейцев, имеют специалистов ученых, получивших дипломы в европейских школах, механические заведения, могущие собственными средствами соорудить пароход, наконец, либеральную конституцию с выборным началом в основании. А между тем эти факты как нельзя более естественны, и странно было бы, если бы их не было. Но чтобы судить так, нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом, изучить его литературу"³⁴.

Касаясь вопроса русско-японских отношений, святитель Николай пришел к обоснованному выводу о том, что у обеих стран нет повода для взаимных упреков и разногласий. "Все, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересовать Россию как непосредственную соседку ее на крайнем востоке. Оба государства - молодые, полные свежих сил и надежд на долгую историческую жизнь. Притом же, оба - совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрестных дорогах и не мешать одно другому"³⁵.

В письме более позднего времени (от 8 ноября 1908 г.) на имя Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта П. Ф. Унтербергера святитель Николай с горечью констатирует тот факт, что "не было бы нашей несчастной войны с Японией, если бы мы поглубже знали Японию"³⁶.

Исследовательские заслуги святителя Николая были оценены еще при его жизни. Выражением этого признания явилось избрание его почетным членом ряда научных обществ. Выражением этого признания явилось избрание его почетным членом ряда научных обществ. Он сотрудничал в "Русском вестнике", в сборнике "Древняя и новая Россия" и в "Русском архиве". Научные работы святителя были не случайны. Как сам он писал: "Много раз манила меня на свое поле наука; японская история и вся японская литература - совершенно непочатые сокровища, мои же силы всецело посвящены миссионерству"³⁷.

³³ Иванова Г.Д. Указ. соч. С. 13.

³⁴ Николай (Касаткин), иером. Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам // Русский вестник. СПб., 1869. Т. 83. Декабрь. С. 271.

³⁵ Иванова Г.Д. Указ. соч. С. 14.

³⁶ Отдел рукописей и рукописной книги Российской национальной библиотеки. Ф. 590 (Позднеевы Д.М. и А.М.), оп. 1. № 177, л. 167.

³⁷ Антоний (Мельников), архиепископ. Указ. соч. с. 5-61, с. 55.

Таким образом, мы узнаем, об одной глубокой жизненной дилемме епископа. Все, так привлекавшие его знания, он приобрел, стал известным востоковедом, общепризнанным авторитетом, но вопрос был для него не в сумме знаний, а в том, на что они будут направлены. Для него вопрос был в том, не отвлечет ли его наука от миссионерской работы, которую он почитал своим долгом и призванием, или гармонически сольется с ней и будет ей помогать. Наука ему помогла. Без глубокого изучения истории и культуры Японии, без постижения ее духа, он не смог бы стать ее апостолом³⁸.

Будущего святителя интересовало все, связанное с Японией: события, погода, экономика, история, демография. Он пишет статьи для газеты "Восточное Поморье", выходящей в Николаевске-на-Амуре. Вот некоторые его корреспонденции: "Пожар в консульстве в Хакодате", "Ураган в Японии", "Неурожай в Японии", "Число народонаселения в Японии". Николая порой смущала мысль посвятить себя востоковедению. В первые годы пребывания в Японии у иеромонаха Николая бывали минуты сомнения, будет ли какая-либо польза от его трудов. "Боже! - писал он, - не было ничего тяжелее этих сомнений". Часто помысл искушал проповедника слова Божия оставить апостольское дело и заняться чем-либо другим, касающимся Японии. В Европе в то время о Японии знали очень мало, и любая статья о ней принималась с большим интересом, а автор статей о Японии мог рассчитывать на скорую известность. Но честный воин Христов отстранил искусительные мысли. Помня свое призвание, он говорил: "Наука и без меня найдет себе многих сынов, мои силы всецело посвящены надеждам миссионерским"³⁹.

Много внимания в эти же годы было уделено им непосредственному знакомству с бытом и нравами страны, встречам и беседам с буддийским духовенством, к помощи которого он нередко прибегал, читая трудные для понимания тексты буддийской классики. Никогда не позволял себе иеромонах Николай оскорблять религиозное чувство японцев, никогда не порицал последователей буддизма, не трогал буддийских бонз, и потому даже среди буддийского духовенства у него были друзья⁴⁰.

Очень скоро первоначальное недоверие и подозрительность, с которыми многие смотрели на молодого священника, уступили место добродушию и гостеприимству. Он стал желанным гостем во многих домах г. Хакодате. Доброта, отзывчивость и кротость иеромонаха Николая постепенно победили все трудности. Японцы почувствовали в нем друга, и он стал желанным гостем во многих домах.

"Как истинный пастырь Церкви Христовой, отец Николай возрастил в своей душе ту евангельскую любовь, которая дает власть подходить к чуткой душе, покорять ее, навсегда привязывать к себе. "Вначале завоевать любовь, а потом нести слово", - это было руководящим правилом всей деятельности "апостола Японии".

Первые успехи

Смута в японском обществе, а вместе с ней и антисёгунские настроения усиливались. В 1862 году началась настоящая гражданская война, закончившаяся в 1868 году отставкой сёгуна и созданием императорского правительства.

Военный правитель Японии сёгун Токугава был лишен полномочий, которыми его клан пользовался с начала XVII века. В стране вспыхнула гражданская война. Адмирал сёгунского флота⁴¹ Эномото Такэаки, верный присяге, выступил на стороне сёгуна. Когда войска императора Мэйдзи вплотную подошли к столице, Эномото приказал своим подчиненным перегнать значительную часть военно-морского флота (8 кораблей, включая и паровой фрегат «Кайё-мару») на север, к берегам Хоккайдо, где влияние императорского правительства было еще очень слабым. Там, вдали от основных событий, сотрясавших страну, Эномото планировал создать оплот старого государственного правления, который возглавил бы сёгун Ёсинобу Токугава. В целесообразности подобного шага Эномото убеждали и французские советники, работавшие на кораблях японского флота. Но, с точки зрения сторонников императора, это был вооруженный мятеж.

³⁸ Там же.

³⁹ В Японии жатвы много... Письмо русского из Хакодате. "Христианское чтение", 1869, ч. 1, с. 239-258, с. 250.

⁴⁰ Григорий (Тертышников), архим. Указ. соч. С. 185.

⁴¹ До 1874 года высшее звание на флоте было — капитан первого ранга, в этом же году император, посылая Эномото Такэаки послом в Россию, присвоил ему звание вице-адмирала японского флота, иначе он не был бы принят при дворе.

Далее события развивались неблагоприятно для защитников старого строя. Ёсинобу Токугава побоялся возглавить борьбу на севере Японии и отказался от предложения Эномото. Не приняло этой идеи и правительство императора Мэйдзи. Тогда француз Жюль Брюнэ посоветовал японским морякам провозгласить на Хоккайдо республику по американскому образцу. Деваться было некуда. Так на Хоккайдо появилась, по нынешней политической терминологии, «самопровозглашенная» республика самураев, или, как ее охарактеризовал иеромонах Николай, «дворянская республика». Такого история Японии еще не знала. Более того, кандидатуру президента Республики Хоккайдо решили определить прямыми выборами, чего (выборов должностных лиц) в этой стране также до того времени не бывало. 25 декабря 1868 года президентом Республики Хоккайдо был избран Такэаки Эномото.

Республиканская власть на Хоккайдо продержалась недолго. Империя не намерена была терпеть подобные политические выверты на своей территории. В апреле 1869 года на север страны были отправлены перешедшие в подчинение императора корабли и 7 тысяч бойцов. Организовать серьезное сопротивление республиканцы не смогли, и к началу мая отступили к крепости Горёкаку в городе Хакодате. Последняя битва гражданской войны произошла 4–10 мая 1869 года. 800 самураев, оставшихся в распоряжении президента Эномото, не сумели противостоять превосходящему их в 10 раз по численности отряду правительственных войск. Не помогли и французские советники. Часть кораблей под республиканскими флагами была потоплена, другие захвачены атакующими. Эномото капитулировал. 18 мая Республика Хоккайдо прекратила свое существование, а ее президент оказался в заключении.

На этом, собственно говоря, биография Такэаки Эномото могла и завершиться. Но произошло неожиданное. Через три года Эномото был прощен. Страна слишком нуждалась в образованных людях. Бывший моряк был назначен уполномоченным по освоению новых районов. А новые районы — это север страны, прежде всего Хоккайдо. Там Эномото развернул работы по поиску месторождений каменного угля. В 1872 году бывший адмирал был помилован и поступил на службу правительства Мэйдзи.

Император переехал из Киото в Эдо, получивший после этого название Токио или «восточная столица». Началась эпоха Мэйдзи – эпоха «Просвещенного Правления».

В это же время зарождается Японская Православная Церковь и гражданская война, охватившая именно Хоккайдо, создала дополнительные препятствия для проповеди и набросила еще более густую тень недоверия на присутствовавших в Японии иностранцев.

В 1864 году первым обращенным в Православие японцем стал Такума Савабе (1835-1913), бывший самурай клана Тоса, жрец старой синтоистской кумирни в Хакодате. Некогда он странствовал по Японии, зарабатывая на жизнь уроками фехтования. Придя в Хакодате, он женился на дочери жреца синтоистской кумирни и принял не только его фамилию Савабе, но и наследственный жреческий сан каннуси и место служения своего тестя. «Мирно и безмятежно жил Савабе в язычестве. Будучи жрецом древнейшей в городе кумирни, он пользовался уважением народа, получая значительные доходы и зная только довольство и счастье. В семействе у него была прекрасная молодая жена, маленький сын и мать жены. Горд он был своим отечеством, верой своих предков, а потому презирал иностранцев, ненавидел их веру, о которой имел самые неосновательные понятия».

Савабе состоял членом тайного общества, состоящего из группы военных, поставивших своей целью изгнать всех иностранцев из Японии. Он был известен как превосходный фехтовальщик и в качестве учителя фехтования приходил к сыну русского консула И. А. Гошкевича⁴².

Савабе считал о. Николая представителем агрессивной политической силы, а посему - своим личным заклятым врагом. Поскольку он полагал, что религия этого священника более, чем что-либо другое, способна нанести вред его стране, Савабе задумал вовлечь о. Николая в дискуссию, а затем убить его, если не удастся одержать в споре верх.

Исповедуя действия Благодати Божией, в день своего 50-летнего юбилея, об этих первых шагах своей деятельности, святитель так говорил: «50 лет тому назад я приехал сюда проповедовать учение Христово; но тогда не только никто не был расположен слушать его, а все с враждой относились к нему. Один из тогдашних врагов христианства здесь, пред нашими глазами, ныне один из почетнейших между нами. Он тогда известен был в Хакодате, как замечательный фехтовальщик; по

---

⁴² Первоначально Савабе вынашивал планы проникновения с пятью единомышленниками в русское консульство с целью уничтожения иноземцев. Общение же его со святителем Николаем под видом преподавания искусства кэндо привело к противоположным результатам.

этому приглашен был давать уроки фехтования сыну русского консула в Хакодате. Каждый день я там встречался с ним, и всегда он молча смотрел на меня с враждебным видом; наконец, враждебное чувство привело его ко мне. Пришедши, он грубо начал: - "Вы, варвары, приезжаете высматривать нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая". "А вы знаете мою веру, что так отзываетесь о ней?" - спросил я. "Ясно не знаю". - А не зная вещи, поносить ее - разумно ли?" Это несколько остановило его, но он с прежнею грубостью произнес: "Так что же за вера твоя? Говори". "Изволь слушать, - ответил я.

И стал говорить о Боге едином, о Боге Творце вселенной, Боге Искупителе. По мере того, как я говорил, лицо моего слушателя прояснялось, и он, не переставал внимательно слушать, одною рукою достал из-за пояса тушницу, другою - из рукава бумагу, и стал записывать мою речь. Через час или полтора он был совсем не тот человек, который пришел. - "Это совсем не то, что я думал", - сказал он, когда я окончил говорить. "Поговорите еще, - попросил он уже ласково". "Приходите", - пригласил я. И он стал приходить каждый день; а через неделю был уже в душе христианином. Скажите, что его обратило ко Христу? Когда-то сильный противник христианства Савл был внезапно обращен светоносным явлением ему Господа Иисуса Христа. Там было великое чудо. Здесь я вижу также чудо, только прикровенное. Тот же Христос невидимо Своею благодатию коснулся сердца Своего врага, сердца чистого, только пребывавшего во мраке, блеснул на него лучем Своего света, - и врага не стало; он обратился не только в верного последователя, но и в горячего проповедника Христа»⁴³.

В письме от 20 апреля 1865 года иеромонах Николай пишет митрополиту Исидору: «Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всю душою предан христианству. Единственная цель его жизни теперь – послужить отечеству распространением христианства, и мне приходится постоянно останавливать его просьбы из опасения, чтобы он не потерял голову, прежде чем успеет сделать что-либо для этой цели».

Об опасности положения Савабе позволяет судить следующий его рассказ: «Открыто читать эту книгу [Евангелие] я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать ее в то время, когда совершал службы в своем мия [т.е. в языческом храме]. Положишь, бывало, перед собой Евангелие вместо языческого служебника, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думал, что я читаю иностранную «ересь»».

«Дальнейшее также полно указаний на помогающую благодать Божию. У Савабе был друг, доктор конфункцианец, которому он стал сообщать свои познания о Христовом учении и старался передать ему свою веру. Сакай, друг его, сначала только смеялся над ним и опровергал его тогда, но недолго это длилось; Сакай тоже коснулась благодать Божия; и он сделался не только последователем и проповедником Христа, но и великим постником и молитвенником. Старые христиане, конечно, помнят, как он здесь, будучи диаконом, иногда во время эктении, которую произносил, в молитвенном восхищении припадал на землю и долго так оставался, умиляя всех и возбуждая глубокое молитвенное настроение».

Не делая тайны из своих новых убеждений, Савабе рассказал о христианской вере друзьям. Кое-кто из друзей упрекнул его за то, что он подпал под влияние иностранца, но один врач по имени Сакай Токурэй (в крещении Иоанн), уроженец княжества Сэндай, стал подробно расспрашивать о новой религии, задавая вопросы, на которые сам Савабе не всегда мог ответить. В таких случаях он обращался за помощью к отцу Николаю. Наконец сам Сакай решил встретиться со священником. В конце концов, Сакай оставил свою семью и переселился вместе с младшим братом в г. Хакодате специально для изучения и последующего распространения Православия. Здесь он активно занимался врачебной практикой, совмещая ее с проповедью вероучения, и затем все вырученные деньги передал на нужды общины. По словам святителя Николая, «среди пациентов Сакаи оказался один правительственный чиновник, некий Ямамото, направленный сюда для сбора информации о распространении христианства среди местного населения, разумеется, «не с доброй целью». Однако, слушая все, что касалось предмета его особого поручения, «он незаметно стал и в самом деле увлекаться и кончил тем, что признался во всем Сакаю и стал искренне изучать православную веру; в настоящее время он каждый вечер вместе с другими проводит у меня, слушая объяснение Православного Исповедания; еще через месяц он отправится в Едо [Эдо, современный Токио], чтобы

---

⁴³ *Сергий, архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера), Сергиев Посад, 1897, с. 96-97; *Платонова А.* «Апостол Японии». СПб., 1916. Савабе даже начал вести записи (Otis Cary, A History of Christianity in Japan, vol. 1: Roman Catholic and Greek Orthodox Missions, p. 379).

взять отставку, и затем проситься сопровождать меня в Нагасаки, где он прежде служил 10 лет и имеет обширный круг знакомых»⁴⁴.

Савабэ в период «дворянской республики» Эномото Такэаки осуществлял свои катехизаторские обязанности в сёгунском войске в г. Хакодате. Даже бомбардировка города, во время которой сгорел дом и все его имущество, и последующее взятие г. Хакодате императорскими войсками не заставили Савабэ бежать от репрессий. Это он сделал только по возвращении в Японию святителя Николая, будучи вполне уверенным, что тот не покинул их навсегда.

Сам святитель Николай писал: «В сражениях... почти все наши друзья (т. е. христиане и им сочувствующие) остались целы, но по сдаче города, вместе с другими, заключены были в крепость на 220 дней. Партия, восстанавливающая Микадо, всюду несет с собою пропаганду древней религии (синто), на которую опирается авторитет Микадо, и потому Савабэ, как заведомому христианину, также грозила опасность попасть в тюрьму; но он не скрылся и не умерил своей ревности, а напротив, нашел возможность сноситься с заключенными в крепости и доставлять им христианские книги; у себя же по-прежнему продолжал иметь катехизаторские собрания...»⁴⁵.

Третьим христианином стал Урано Дайдзо (в крещении Иаков), бывший врач, он имел постоянное место жительства в деревне Намбу на о. Хонсю.

Среди близких к святителю Николаю лиц, сделавших немало для распространения в Японии Православия в период сохранения официального запрета на проповедь христианства, нужно назвать сэндайского самурая Кангэту Тайдзо (в крещении Матфея), который в результате вышеупомянутых хакодатских событий оказался заключенным в крепостную тюрьму. Для его вызволения святителю Николаю пришлось обращаться в столицу - к прогрессивным представителям новой власти - Ивакура Томоми и Кидо Такаеси. Именно его, Кангэту Тайдзо, святитель Николай считал наиболее способным и одаренным учеником и предназначал его для поездки в Россию с целью получения богословского образования. Но этому помешала война, в которой Кангэта воевал на стороне последнего сёгуна дома Токугава Кэйки. После дарования амнистии Кангэта поселился вместе со своими друзьями в новых владениях сэндайского дайме на о. Эдзо (Хоккайдо) в деревне Сару, населенной преимущественно айнами. Как глава религиозной общины он очень много сделал для распространения Православия среди аборигенов, и они настолько прониклись им, что «при постройке домов, хотели... строить заодно и церковь»⁴⁶. От этого их, правда, отговорил в одном из писем Павел Савабе, полагая, что для них пока важнее укрепиться в основах вероучения чтением священной литературы, и предложил ограничиться постройкой молитвенного дома.

Известен был своей приверженностью к Православию ученый из Сэндая Араи Цунэносин, автор едва ли не первой на японском языке книги богословского содержания «Толкование на Православное исповедание», по словам святителя Николая, «блистающей всеми цветами восточного красноречия и дышащей неподдельным чувством искренности и твердости убеждений». Вокруг Араи в г. Сэндае сложилось общество глубоко верующих людей различных возрастов и профессиональных занятий, которое даже провозгласило себя церковью. Когда же кем-то из католических священников был пущен слух, что святитель Николай оставил духовное звание и отправился гражданским чиновником на службу в Америку, то Араи, простодушно поверив в это, без средств и знания языка, простым слугою отправился туда, чтобы отыскать своего духовного наставника и просить его вернуться в Японию. После этого, правда, об Араи не было никаких известий.

Отец Николай не спешил крестить своих первых учеников, не желая подвергать их опасности, так как закон 1614 года, угрожавший смертной казнью за принятие христианства, в то время еще не был отменен. Нужно было также, чтобы время укрепило веру в душах новообращенных. Между тем, Савабе и его друзья, хотя еще и не просвещенные святым крещением, принялись с редким самоотречением за дело проповеди. Они устраивали у себя кахитизаторские собрания.

К весне 1868 года насчитывалось до 20 человек мужчин и женщин, готовых принять крещение. В это время последовал правительственный указ, подтверждавший прежнее запрещение японцам принимать христианскую веру. Противозаконным для японца было даже проявление интереса к христианству. Правда, эти жестокие законы не применялись на практике, пока в Хакодате, сопровождаемый слухами о готовящихся гонениях, не появился новый чиновник. С его назначением

⁴⁴ РГИА, ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 167 об.

⁴⁵ РГИА, ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 163 об.

⁴⁶ Там же, л. 164.

любопытствующие о Православии мгновенно рассеялись, а троем твердо верующим пришлось серьезно подумать о том, как скорее покинуть город.

Стало известным, что в Нагасаки началось гонение на христиан-католиков. Чтобы сохранить свою юную паству, иеромонах Николай решил разослать своих помощников в дальние области, но перед тем он крестил многих из них. Апрельской ночью 1868 года они пробрались в дом о. Николая. Все было подготовлено, отец Николай позаботился об охране дома и крестил беглецов в ту же ночь. Они были первыми японцами, принявшими Православие. В соответствии с православной традицией крещаемые получили христианские имена, так что теперь это были Павел Савабе, Иоанн Сакай и Иаков Урано. После совершения таинства они направились к ожидавшей их лодке и, переждав ненастье, покинули Хакодате. Именно тогда, за пять месяцев до наступления эпохи Мэйдзи, зародилась Японская Православная Церковь⁴⁷.

Вскоре Савабе вернулся, поскольку так и не смог отыскать места, где можно было скрываться, не подвергая опасности помогавших ему людей. На Савабе тут же обрушились тяжкие испытания. Восьмилетний его сын по наследственному праву стал жрецом той же кумирни, что давало ему средства кормить себя и больную мать, которая сошла с ума. Через несколько месяцев сгорел их собственный дом. Савабе так и не нашел прибежища и в скором времени вернулся в Хакодате. Теперь он не имел не только средств к пропитанию, но и крова. Тогда же, в 1868 году, он был заключен в темницу.

О нем отец Николай говорил: «Люди за свои полезные труды получают чины, кресты, деньги, почет. Бедный Савабэ трудится для Христа так, как редкие в мире трудятся. Он весь предан своему труду, весь в своем труде, и что его труды не тщетны, свидетельствуют десятки привлеченных им ко Христу».

К тому времени обстановка в стране осложнилась, и внимание властей переключилось с закона о запрещении христианства на более насущные проблемы. Только к 1873 году гонения несколько прекратились, и стала возможна свободная проповедь христианства. Испытания лишь укрепили ревность Павла, и в 1875 году он был рукоположен в священника. Позднее Павлу Савабе было дано утешение видеть и сына своего христианином.

Русская консульская церковь в Хакодате находилась в ведении епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, начальника эскадры Тихого океана и Российского императорского консульства. Даже жалование консульский священник получал от двух ведомств: первые три года - от Морского министерства, затем от Азиатского департамента МИД - 2 000 рублей серебром в год. А если эту сумму разделить на 12 месяцев, то выходило по 160 рублей с копейками. Материальное положение было такое, что иеромонах Николай считал каждый грош. Одни только свечи, которые привозили из Николаевска-на-Амуре, стоили 100 рублей. Их хватало на два-три месяца. Николай обращался к консулу Гошкевичу за помощью. Благо у консула имелись деньги на "экстраординарные расходы". И хотя он всегда помогал Николаю, настоятель церкви тяготился таким положением. В 1869 году епископ Иннокентий посоветовал отцу Николаю ехать в Санкт-Петербург и добиваться открытия миссии. Это даст ему экономическую и административную независимость.

Помощь из России

Из бесед с чиновниками⁴⁸, которых иеромонах Николай обучал русскому языку, он понял, что в Японии назревают перемены в отношении к христианству, что реставрация Мэйдзи, повернувшая Японию на путь реформ, ориентированных на европейские модели, дала надежду расширить проповедь и даже открыть в Японии русскую духовную миссию.

Надежда Николая крепнет: "...кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа... Католичество и протестантство заняли весь мир... Вот и еще страна, уже последняя в ряду новооткрытий: хоть бы здесь мы могли стать наряду с другими... Буду, даст Бог, не заброшен и я здесь один, обреченный на бесплодный одиночный труд. С этой надеждою

---

⁴⁷ Векшина Н. М. Православие в Японии // «Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность». Материалы конференции. – Санкт-Петербург. – 2004. Наганава Мицуо замечает, что эпоха Мэйдзи закончилась со смертью императора через 5 месяцев после кончины архиепископа Николая.

⁴⁸ В ходе своих занятий о. Николай незаметно заводил разговор о христианстве. Этим методом благовестия и по сей день пользуются англоязычные миссионеры в Японии, которые ведут занятия английского языка, обычно базируясь на христианских темах.

я ехал сюда, ею семь лет живу здесь; об осуществлении ее самая усердная моя молитва, в это осуществление, наконец, я так верю, что: подал прошение об увольнении меня в отпуск и, по получении разрешения, еду в Петербург ходатайствовать перед Святейшим Синодом об учреждении здесь миссии".

В конце 1869 года иеромонах Николай, испросив отпуск, отправляется в Россию, чтобы лично изложить свои планы в Святейшем Синоде, а также, чтобы заручиться поддержкой друзей. Представленный им план говорит о его глубокой убежденности в том, что активными проповедниками в нехристианской стране должны быть новообращенные из местного населения. Именно этот принцип, как и личные качества самого о. Николая, обеспечили в будущем успех деятельности Миссии в Японии. К 1870 году православная община насчитывала свыше 4 000 человек, а к 1912 году — около 33 тысяч человек и 266 православных приходов.

В Россию иеромонах Николай приехал в феврале 1870 года. Миссия отца Николая получила высокую оценку в России. Он отказался от предложенной ему архиерейской кафедры в Пекине и пожелал вернуться в Японию.

«Прибыв в Японию в качестве священника при консульстве и проработав здесь 8 лет, я изучал японскую историю, религию и национальный характер. Я хотел определить, в какой мере осуществимо просвещение Японии светом Евангелия. Углубив свои знания об этой стране, я постепенно убедился, что вскоре слова Евангелия ясно зазвучат здесь и быстро проникнут во все части этой империи»⁴⁹. «Чем больше я знакомлюсь со страной, тем больше убеждаюсь, что очень близко то время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесется из конца в конец империи»⁵⁰.

Его ходатайство Святейшему Синоду о разрешении открыть в Японии русскую духовную миссию было удовлетворено. По проекту о. Николая для образования миссии требовалось дополнительно три священнослужителя из числа выпускников духовных семинарий или академий и один причетник, что позволило бы открыть 4 миссионерских стана: в «колыбели христианства» - г. Нагасаки, на о. Хонсю в г. Иокогама (еще лучше - в бывшей сёгунской столице г. Эдо) и г. Хёго, для северных районов страны - в г. Хакодате, где уже имелась церковь при русском консульстве. Для финансового обеспечения миссии святитель Николай считал достаточным 10 тыс. руб. единовременного и 6 тыс. руб. ежегодного содержания, которые были бы употреблены на строительство домов для миссионеров и выплату им жалованья, помимо тех сумм, которые он получал сам лично и состоящий при нем в должности псаломщика Виссарион Сартов (согласно предшествующим синодальным постановлениям) в ежегодном размере 2,5 тыс. и 800 руб. соответственно каждому.

14 января 1870 года последовало соответствующее определение Святейшего Синода об открытии в пределах Японии православной духовной миссии: «По засвидетельствованию отца Николая, изучавшего в течение 8-летнего пребывания своего в Японии ее историю, религию и дух японского народа, - японцы отличаются самую живую любознательностью и в последнее время обнаруживают сильное стремление к усвоению европейской цивилизации... Начиная сознавать недостаточность отечественных вероучений и потребность в другой, более совершенной религии, японцы высказывают ныне к христианству миролюбивое расположение. Равным образом и правительство японское нельзя упрекать во враждебности к христианству, что доказывается как сделанным заявлением, что оно не намерено преследовать христиан-туземцев, так и тем, что об обратившихся в христианство миссионеры открыто заявляют в периодической печати»⁵¹.

По согласованию с Государственным Казначейством и Министерством иностранных дел в соответствии с Высочайшей Волей, существующими правилами (утверждены 27 апреля и 1 мая 1867 года) и практикой в организации заграничных церквей православного исповедания (Иерусалимская и Пекинская) были утверждены рекомендованные святителем Николаем штат миссии и суммы на ее содержание. По делам общепархиальным православная духовная миссия в Японии была иерархически подчинена Камчатскому епархиальному ведомству, во главе которого тогда находился преосвященный Вениамин (Благодатов), епископ Камчатский, Курильский и Алеутский.

⁴⁹ Русский вестник, 1869, №9.

⁵⁰ *Марк (Лозинский), игумен.* Святой Николай, Архиепископ Японский. В кн.: Доклады и статьи. Машинопись. Т. 1, г. Загорск, Лавра, МДА, с. 185-230, с. 200.

⁵¹ Об учреждении православной духовной миссии в Японии. 12 января 1870 г. 15 марта 1874 г. Российский государственный исторический архив (далее РГИА), ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 1 - 1 об.

6 апреля 1870 года император Александр II высочайше утвердил определение Святейшего Синода об учреждении в Японии русской духовной миссии в составе начальника миссии, трех иеромонахов-миссионеров и причетника. Половину намечаемых расходов брало на себя казначейство, другая половина была отнесена за счет типографского капитала духовного ведомства. Всего духовной миссии ассигновалось 6000 рублей в год и 10000 рублей единовременно. Миссионерские центры надлежало расположить в Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате. Начальником миссии был назначен иеромонах Николай с возведением в сан архимандрита. Обязанности миссионеров были изложены в «Инструкции для миссии», представленной иеромонахом Николаем и утвержденной Синодом.

В это время были утверждены "Положения для Российской духовной миссии в Японии" и инструкция для ее главы, согласно которым устанавливались пожизненный срок для прохождения службы в миссии для всех ее членов без исключения, обязательность изучения японского языка для церковного и повседневного общения и потребности перевода священной и богословской литературы⁵². В связи с предложением обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого членам миссии были предписаны крайняя осмотрительность, осторожность и сдержанность при обращении в Православие местного населения, так как соответствующего законодательства о свободе вероисповедания в тот период в Японии, в отличие от Китая, принято еще не было. "До настоящего времени японское правительство еще не признало возможным, подобно китайцам, допустить свободное и открытое проповедование христианства, со включением этого позволения в международные трактаты. Мы видим, правда, что во всех открытых портах Японии уже давно успели поселиться миссионеры разных иноверческих исповеданий, но эти лица, не имея никакого официального характера, действуют, так сказать, на собственный страх, и даже очень редко пользуются поддержкою или покровительством со стороны иностранных дипломатических представителей, за исключением разве только римско-католических миссионеров. Наша духовная миссия находится в совершенно ином положении: учрежденная правительством, она будет состоять под покровительством русского представительства в Японии. Поэтому она должна соблюдать крайнюю осторожность в своих действиях, до тех пор, пока положение христиан-туземцев в Японии не разъяснится окончательно"⁵³.

Сам о. Николай писал в 1869 году: «Характерно для Православной Японии то, что православная миссия, всего 8 лет существующая, при двух за это время существующих миссионерах, без всяких определенных материальных средств, числом христиан была уже вдвое сильнее, чем католическая и все протестантские миссии вместе взятые» (за 1865-1868 гг. им было обращено в Православие 12 японцев).

Определением Святейшего Синода от 2 сентября 1870 г., как начальник миссии, отец Николай был возведен в сан архимандрита, и ему была присвоена степень настоятеля второклассного монастыря. Чуть ранее (12 апреля 1870 г.) святитель Николай за свою деятельность в Японии был сопричислен к ордену Святой Анны 2-й степени. Было ему тогда 34 года.

Высокопреосвященный Исидор (Никольский), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, и граф Е. В. Путятин, горячо сочувствуя успеху проповеди отца Николая, обещали свое содействие в изыскании материальных средств на содержание духовной миссии в Японии. Материальную помощь получал он и от многих частных благотворителей, причем некоторые из них даже не оставили своих имен. Так, купец, пожертвовавший 10 000 рублей, на вопрос о. Николая об имени ответил: «Бог знает!»⁵⁴.

Перед отъездом в Японию архимандрит Николай смог повидаться со стариком отцом. В Хакодате он вернулся в марте 1871 года.

Для успешной и полноценной деятельности миссии святителем Николаем были собственноручно отобраны три человека: выпускник Казанской духовной академии, вдовый священник Григорий Воронцов, 32 лет, и студенты Киевской духовной академии - старшего курса иеромонах Анатолий (Тихай) и младшего курса Павел Забелин.

Осенью 1870 г., обремененный многочисленной христианской литературой, закупленной на деньги добровольных жертвователей, церковной утварью (включая сюда и три освященных антиминса для предполагавшихся к строительству церквей), литографическим станком, подаренным миссии

⁵² См.: Положения для Российской духовной миссии в Японии и Инструкция для ее Начальника. 6 апреля 1870 г. РГИА, ф. 797, оп. 41. № 134.

⁵³ РГИА, ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 100 - 100 об.

⁵⁴ Cary, A History of Christianity in Japan, 1: стр. 390.

Азиатским департаментом Министерства иностранных дел для печатания необходимой светской, учебной и духовной литературы, и многим другим, святитель Николай отбыл из Санкт-Петербурга вместе с о. Григорием Воронцовым. Из Николаевска-на-Амуре на военно-морском транспорте 22 марта 1871 г. они прибыли в г. Хакодате.

Какой же застал святитель Николай оставленную почти на два года без пастырского присмотра молодую тогда и еще очень немногочисленную православную японскую общину? Об этом он сообщил в своем рапорте в Святейший Синод от 10 мая 1871 г.

Община не только не распалась и не уничтожилась, но и приумножилась. Это было невероятно, по крайней мере, с точки зрения тех, кто внимательно изучал историю Православной Церкви в соседнем с Японией Китае. Там после смерти первого православного священника Максима Леонтьева до прибытия в Пекин первой православной духовной миссии прошло не так уж много времени. Но этого оказалось достаточно, чтобы проживавшие там русские албазинцы "потеряли основы Православия" и очень быстро "окитаились"; поэтому в Китай периодически посылались новые миссии, чтобы поддерживать в албазинцах веру предков.

Успех Православия на японской земле можно во многом объяснить ревностной, не прекращавшейся ни на один день деятельностью самих японцев-катехизаторов, поддерживавших огонь православной веры в разных районах страны, который первым возжег в их собственных душах и сердцах святитель Николай. «Когда я снова прибыл в Хакодате, - рассказывал о том времени святитель в день своего 50-летнего юбилея, - то нашел, что ревностный Савабе уже образовал у себя маленькую церковь: у него собралось из Сендая несколько молодых хорошо образованных «сизоку» (дворян); то были: ныне еще здравствующие о. Матфей Качета, о. Петр Сасачала, уже скончавшиеся о. Яков Такая, о. Иоанн Оно, только что отшедший в другой мир Павел Куда и некоторые другие; всех я нашел уже довольно наученными в вере и в душе христианами. Кто же им указал путь из Сендая в Хакодате? Кто обратил их в христианство, если не Сам Господь таинственным действием Своей благодати?»

Учитывая исполнительность и пунктуальность японцев, надо думать, что данные о. Николаем правила для миссионеров неукоснительно исполнялись. Вот эти правила:

«Обучение основам христианства других людей должно происходить параллельно с углублением собственных знаний.

Собрания должны быть двух видов. На одних проповедники вместе с теми, кто уже знаком с основными догматами, но желал бы обучаться дальше, встречаются для чтения и толкования Нового Завета. Такие собрания должны проходить два раза в неделю; проводят их по очереди сами проповедники. Собрания нельзя пропускать. Отсутствовавший по уважительной причине обязан до следующей встречи узнать у кого-либо о пройденном материале.

Второй вид собраний учреждается для тех, кто только начинает изучать основы христианства, независимо от пола и возраста. На таких встречах проповедники разъясняют новичкам Символ веры, молитву Господню и Десять Заповедей. Частота этих собраний такая же, два раза в неделю. Проповедники делят обучающихся на группы. Если по какой-либо причине человек не смог присутствовать на собрании, проповедник идет к нему домой, чтобы пересказать содержание пройденного материала, или просит сделать это кого-либо из членов его семьи.

На собрании во время разбора нового материала не должны вестись дискуссии, хотя любой может задавать вопросы в случае каких-либо неясностей.

Кроме проведения собраний проповедники обязаны ежедневно обходить город с целью привлечения новых членов. Если среди заинтересовавшихся окажутся люди, которые, по той или иной причине, не могут приходить на собрания, проповедники обязаны посещать их на дому с целью разъяснения Символа веры, молитвы Господней и Десяти Заповедей. Это нужно считать задачей первостепенной важности, обязательной для исполнения даже в тех случаях, когда из-за недостатка времени проповедник сам вынужден пропускать собрания, на которых читается Новый Завет.

Люди, хорошо усвоившие Символ веры, молитву Господню и Десять Заповедей и достаточно твердые в вере, должны быть представлены священнику для крещения.

Если после занятий что-либо осталось непонятным, следует обратиться за разъяснением к священнику, и в случае особой важности материала занести разъяснение в специальную записную книжку.

По воскресным дням Совет проповедников собирается в доме священника с докладом о проделанной за прошедшую неделю работе и с обсуждением плана работы на предстоящую неделю. Эти планы должны быть занесены проповедниками в их записные книжки.

Необходимо регистрировать крещения, рождения, браки и смерти.

За ведение приходно-расходного журнала, обязательного к заполнению, отвечает лицо, избранное Советом.

Собранные деньги в первую очередь используются в целях распространения христианства.

При наличии достаточной суммы одного из молодых людей обучают русскому языку и направляют в русскую духовную школу. По завершении учебы он возвращается в Японию, где должен основать школу для изучения христианских дисциплин. В его обязанности входит также перевод религиозной литературы. При наличии дополнительных средств на обучение, еще одного молодого человека направляют в русское медицинское училище, по возвращении из которого он должен основать больницу и медицинскую школу.

Когда число крещенных верующих достигнет пятисот, один из проповедников избирается для поездки в Россию для рукоположения в священники. В дальнейшем из каждых следующих пятисот новообращенных будет отбираться один с целью рукоположения в сан священника. Когда число верующих достигнет пяти тысяч, будет послано прошение о поставлении епископа.

Проповедники, отправляющиеся с просветительской целью в провинции, должны неуклонно следовать настоящим правилам».

Греческий исследователь Иаков Стамулис отмечает два принципиальных момента, обеспечивших успех миссии. Первый заключается в активном привлечении к делу миссии местных жителей, второй – в методе, заставляющем тех, кто сам еще не окончил курс обучения, обучать других⁵⁵. Таким образом, успех в работе обеспечивался, в том числе, и энтузиазмом неофитов, которые, не успев еще освоить многого, охотно и неустанно делились с другими уже полученными знаниями.

Проповедники посвящали христианскому служению все свое время. Одной из первоочередных задач стал для отца Николая поиск средств для их материальной поддержки. Это и, как уже было сказано, необходимость получения благословения священноначалия побудило его поехать в Россию.

Всю организационную работу вел в отсутствие о. Николая Павел Савабе. Он делил кров с людьми, заинтересовавшимися православием, и вместе с ними постигал основы христианского учения. Поначалу интерес многих был связан с надеждами на то, что новая религия окажется полезной в деле политического обновления Японии, но постепенно христианство открывалось им, меняя их личную, внутреннюю жизнь. Еще до возвращения о. Николая эти люди разъехались по домам в разные уголки Японии, став благовестниками для близких, знакомых и незнакомых им людей.

История становления миссии описывается так подробно потому, что она иллюстрирует принципы работы, заложенные еще до формирования официальной православной миссии в Японии. Ведь до возвращения о. Николая в Японию в марте 1871 года православной миссии как таковой там не существовало. А средства, на которые осуществлялась вся подготовка к ее открытию, состояли из настоящего жалования о. Николая и денег, собранных новообращенными. Ради живших с ним людей, нуждавшихся в средствах к существованию, Павел Савабе пошел даже на такую великую жертву, как продажа своего меча – предмета священного поклонения самурая. Кроме того, успех в работе обеспечивался энтузиазмом самих новообращенных, которые, не успев еще усвоить многого в христианском учении, охотно и неустанно делились с другими уже полученными знаниями. Наверное, промыслительным образом само беспокойное время способствовало открытости людских душ к новым идеям. Евангелизация Японии с самого начала стала делом самих японцев. Эта национальная самостоятельность новорожденной Японской Православной Церкви присуща ей на протяжении всей ее истории.

Из Хакодате Православие распространилось и в северо-восточной области острова Хонсю (другое название острова – Нипон), вплоть до г. Сендая⁵⁶, который стал центром Православия на этом острове. В конце года архимандрит Николай крестил в Сендае 11 человек. Вокруг о. Николая вскоре

---

⁵⁵ Иаков Стамулис. Восточно-православное богословие миссии сегодня. Гл. 5. Взгляд в прошлое: восточно-азиатские миссии. // Православная миссия сегодня. Спб., Апостольский город, 1999. Цит. по www.synergia.itn.ru/kerigma/katehiz/mission/teol-mis/mis06.htm

⁵⁶ Город Сендай находится севернее Токио. Расстояние между ними по прямой = 304 км. В 1907 году здесь был основан университет Тохоку, который считается в наше время одним из крупнейших университетов страны. В нем обучаются более 10 тысяч студентов. Он славится своей библиотекой, хорошо известной даже за рубежом.

после его возвращения сплотилась группа катехизаторов. Некоторые из них прежде занимались у Савабе. После того как часть из них получила крещение, трое вернулись к себе на родину в Сендай в качестве проповедников. Их веру и рвение характеризует тот факт, что они отправились, совершенно не позаботившись о хлебе насущном. Не желая никого обременять, они предпочли зарабатывать на жизнь собственным трудом.

Летом 1871 года запросился на родину священник Григорий Воронцов. Это было ожидаемо для начальника миссии, если не желанно. Еще, только подъезжая к Японии, 4 марта 1871 года о. Николай записал в дневнике: «не даром Бог сходил на землю: истина Его должна воссиять в мире. Но скоро ли же? Не пора ли? Да, пора! Вот Православие уже выслало в Японию — миссионера, о. Григория, с которым я теперь еду. Боже, что за крест Ты послал мне! И за этим-то я ездил в Россию? Истратил два года лучшей жизни? Все четыре Академии дали пока вот только это сокровище, с которым я теперь мучусь, и от разговора с которым, я думал, сегодняшний вечер у меня голова поседеет. Едет православным миссионером, а оспаривает постановления православной Церкви, непогрешимость вселенских соборов; утверждает, что таинства православной Церкви взяты с языческих мистерий, что ковчег Завета построен был по образцу египетских капищ, что в Библии кое-что белыми нитками сшито и проч. И это человек, бывший 7 лет священником и прошедший академическую мудрость! Хороши у Православия священники и академии! И что за характер у этого человека! Беспечный, каких свет мало создает: не озаботится узнать ни о Японии, ни о деле миссионерском; о миссионерстве вообще не любит и слушать: когда я рассказываю ему, что видел здесь у миссионеров или что вычитал в миссионерских отчетах, и когда прибавляю, в виде естественных выводов и нравоучений, как и нам следует действовать, он сердится, принимает на свой счет, утверждая, что это я все нотации читаю ему и никак не желая понять того, что мне просто хочется разделить с человеком свои мысли и чувства. Всякое мое дружеское и простое замечание или совет принимает за кровную обиду себе и сто раз попрекает ею; даже шутки мои запоминает и ставит мне в укор, как обиды, хотя бы эти шутки вовсе не к нему относились. Апатичен до того, что даже в Палестине не хотел беспокоить себя много, чтобы побыть во всех тех святых местах, где можно было и где я успел побыть. Не интересуется его ничто окружающее, как ни любопытно наше путешествие. Ленив он до того, что до сих пор никак не могу побудить его заняться ни японским, ни англиским языком, хотя мы уже вот около 3-х с половиной месяцев в пути — на судах, где удобно заниматься. Ни поговорить о чем серьезном, ни пошутить, — Боже, что за человек! Какая мне мука с ним в пути! И при этом еще в перспективе — испытанная уже (в Петербурге) его склонность к пьянству! Хорош миссионер! И такого одного только дала пока Россия? Бывают же случайности, хуже которых и вообразить нельзя. Долго искал, и нашел наконец такого, непригодней которого трудно найти, как будто такого именно и нужно было!»⁵⁷

Приехавший в июле 1872 года с инспекционной целью в г. Хакодате Преосвященный Вениамин, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, отмечал высокий уровень организации и состояния миссионерского дела среди японцев. В день Успения Божией Матери в хакодатской консульской церкви им было совершено первое на японской земле торжественное архиерейское богослужение. Интересно описание этого события, переданное епископом в специальном рапорте в Святейший Синод.

«Православная Церковь в г. Хакодате по внутренней красоте своей после Благовещенского кафедрального собора есть лучшая во всей Камчатской епархии. Она деревянная на каменном фундаменте; построена в русско-византийском стиле на самом высоком месте в городе, так что как бы господствует над всем городом, придавая и ему самому издали вид православного русского города. Внутри церковь отделана с изяществом, достойным храма Божия; карнизы и купол украшены золотыми багетами, иконостас позолоченный, с иконами академической живописи, ризница весьма приличная, чистота в храме постоянная, потому что японцы не иначе вступают в храм, как оставивши обувь за дверями. И таким благоустройством Хакодатская церковь обязана главным образом попечению архимандрита Николая, который не только собирал на нее пожертвования и наблюдал за всеми работами, но и сам личным трудом участвовал в работах.

Богослужение по воскресным и праздничным дням совершается постоянно, а в великий пост сверх того совершалось для говеющих на пятой и страстной седмице. За отсутствием из Японии псаломщика обязанности его по усердию исполнял сам Хакодатский консул Оларовский...

⁵⁷ Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Дневники 1870-1911 гг. Библиополис. Санкт-Петербург. 2007. с. 105-106.

Богослужение вообще совершается на церковно-славянском языке, только "Господи помилуй", "Святый Боже", Апостол и Евангелие, "Верую" и "Отче наш" читается и поется по-славянски и по-японски... Кроме японцев-христиан и язычников, Хакодатскую православную церковь посещают для молитвы и христиане англиканского исповедания, англичане и американцы. В Хакодате есть еще Церковь Римско-католическая в доме французской церковной миссии; но англичане и американцы предпочитают ей церковь православную... В миссионерской литографии напечатано пока только три книжки на японском языке: 1) Главные молитвы (двумя изданиями); 2) Православное исповедание веры святителя Димитрия Ростовского и 3) Катехизис для оглашенных. Готовы к печати переведенные архимандритом Николаем: Краткая Священная история, Евангелие от Матфея и Чин оглашения язычников, желающих принять православную веру»⁵⁸. К этому моменту было обращено в Православие около 80 японцев.

Эпизод с отъездом священника Григория Воронцова в Россию сам по себе, может быть, и не заслуживающий особого внимания, отодвинул, однако, почти на целый год подготавливавшуюся уже давно святителем Николаем поездку в г. Эдо с целью открытия здесь очередного миссионерского стана. Отправиться туда он смог только в феврале 1872 г., после прибытия в г. Хакодате выпускника Киевской духовной академии иеромонаха Анатолия (Тихая) (1838-1893), ставшего на долгие годы верным помощником и соратником православного пастыря Японии⁵⁹. Благодаря его переложениям на ноты переводов святителя Николая уже к концу 1873 года всенощную можно было полностью служить по-японски. Посредством отца Анатолия в начале 1874 года был вызван в Японию из России его родной брат, семинарист и учитель пения Яков Тихай, для постановки церковного пения в Японии. Впоследствии отец Анатолий продолжал класть на ноты церковные песнопения по-японски, а также обучать певчих. Архимандрит Николай отзывался о нем так: «Лучших помощников я не желал бы!» Он оставляет хакодатскую церковь на о. Анатолия и 4 февраля 1872 года перебирается в Токио.

Отъезд святителя Николая в столицу Японии по времени почти совпал с началом гонений на христиан в г. Хакодате в великую Пасхальную неделю, предпринятых главой местной администрации Сигиурой Макото с ведома и по наущению генерал-губернатора о. Эдзо Куроды, весьма враждебно настроенного по отношению к России в связи с возникшими уже тогда территориальными проблемами. Гонения коснулись также и Сэндая. В то время в городе было уже четыре молитвенных дома и 120 верующих. 2 мая 1872 года по обвинению в распространении «вредного учения» катехизаторы и 14 активных прихожан были арестованы и около 100 отрешены от занимаемых ими должностей. Они подвергались допросам, преследованиям и наказаниям за принадлежность к Православной Церкви. Власти не щадили даже 10-12-летних детей, которые поражали неверующих японцев своим знанием и пониманием сути христианства.

За решеткой оказались и Савабе с Сакаем⁶⁰. Их первое тюремное заключение длилось около двух месяцев. Позже Сакай снова был арестован. Как часто бывает, повод для ареста не был связан с истинной причиной - принадлежностью к христианству. Однако властям пришлось выпустить его, так как в заключении Сакай стал активно проповедовать слово Божие своим сокамерникам. «Держать его в тюрьме было почти равносильно помещению туда христианского священника»⁶¹.

Тем не менее русские представители в Японии констатировали, что «образ действий здешнего правительства в отношении к японцам, принявшим христианскую веру или обучающимся у иностранных миссионеров, значительно изменился к лучшему... Поворотом в настроении правительства в этом отношении можно считать время, последовавшее за арестом двух японцев-

⁵⁸ РГИА, ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 228-229, 229 об.

⁵⁹ *Авраамий, архимандрит*. Первый Благовестник Православия в Японии, // *Сергий (Страгородский), архимандрит*. По Японии (записки миссионера). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории. – 1998. – С. 198. Позднее о. Анатолий переехал в Осаку, где построил миссионерский дом, храм и катехизаторскую школу. Затем был переведен настоятелем посольской церкви в Токио. О. Анатолий скончался в сане архимандрита 23 ноября 1883 года. Благодарные японцы увековечили его память сооружением при Соборе Воскресения Христова в Токио большого креста с иконой на лицевой стороне и кратким жизнеописанием архимандрита Анатолия – на другой. По сведениям исследователя Иязяслава Тверицкого, к концу жизни возвратился в Россию, и, вероятно, вошел в число братии Александро-Невской Лавры; скончался в 1893 году в Санкт-Петербурге и был погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, на братском участке.

⁶⁰ См. Cary, A History of Christianity in Japan, vol.1, pp.394-404; здесь говорится о преследованиях, которым были подвергнуты верующие. Местами повествование напоминает Деяния святых Апостолов, например: «Истинные верующие были храбры и почитали за честь страдать от преследований» (стр. 398).

⁶¹ Там же, стр. 406.

христиан, находившихся в услужении у настоятеля консульской церкви в г. Хакодате. По поводу этого дела правительство предписало губернским властям не подвергать аресту людей, принявших христианство, без особого разрешения центрального управления. Еще большее значение имело распоряжение, на основании которого выставленные в городах и селах доски с начертанным на них древним законом⁶², воспрещающим исповедование христианской веры, приказали не заменять новыми, когда они приходят в ветхость, что в сущности сводилось к дозволению уничтожать эти доски во всякое время. Таким образом, правительство, не решаясь еще открыто высказать, что оно отказывается от нерасположения своего к христианской вере, по крайней мере, готовится народ взирать на нее менее предубежденным образом и прокладывает путь к еще более либеральным мерам. Это благоприятное для христианства настроение обнаруживалось в разрешении печатно рассуждать о христианстве, что до сих пор было запрещено под страхом строжайших наказаний»⁶³.

Официальные притеснения прекратились после принятия японским правительством 10 февраля 1873 г. декрета, отменяющего отдельные антихристианские запреты (официальное признание христианства и разрешение его проповеди произошло только после опубликования Конституции Японии 11 февраля 1899 г.)⁶⁴. Тем не менее, гонения были официально прекращены, и провинциальным властям запрещено впредь что-нибудь предпринимать против христиан. Это произошло во многом благодаря энергичному вмешательству русских дипломатических представителей в июне 1872 г. Но ущерб, нанесенный ими, очень тяжело сказался прежде всего на финансовом состоянии миссии, так как попечение о судьбе пострадавших в ходе репрессий японцев-христиан взяли на себя православные священники, почему и были отложены на некоторый срок все намерения по строительству новых и ремонту ранее отстроенных, составлявших собственность миссии зданий.

В апреле 1872 года в г. Хакодате проходил первый в истории Японии Православный Церковный Собор, на котором представители христианских общин из Сэндая, Хакодате, Токио, Нагоя и других районов страны рассказали об общем состоянии дел на местах, поделились мнениями о перспективах распространения Православия на японской земле и избрали из своей среды кандидатов для рукоположения в священнический и диаконский сан; причем, по свидетельству святителя Николая, японцы проявляли большую и очень трогательную требовательность к себе при обсуждении последнего вопроса, и многие добровольно отклоняли свои кандидатуры, считая, что не вполне достойны занять такие почетные и ответственные для них посты. На этом же Соборе было признано целесообразным продолжить практику созыва аналогичных форумов и сделать ее ежегодной. Проповедь Православия на Японских островах вступила в новую и очень ответственную для нее фазу.

Переводы Священного Писания и других необходимых книг

В эти же годы святитель Николай занялся переводом Священного Писания и богослужебной литературы на японский язык, пользуясь в основном церковно-славянским текстом как наиболее верным и сверяя свой перевод с греческими, латинскими и английскими текстами совместно с Накаи Цугумаро (в крещении Павлом) (1855-1943). Молитвослов и некоторые другие книги были переведены с китайского языка, причем каждый иероглиф очищался от языческого содержания, выбор его сверялся катехизаторами из числа японцев. Был составлен словарь терминов, наиболее часто встречающихся в духовной литературе.

Первый общий японо-русский словарь был составлен И. А. Гошкевичем при следующих обстоятельствах. После гибели фрегата «Диана» 10 декабря 1854 года и поселения в деревне Хэда на полуострове Идзу, где Гошкевич проживал в течении полутора лет, он познакомился с буддийским монахом из секты Нитирэн⁶⁵, бывшим самураем из клана Какэгава по имени Татибана Косай (1820—

⁶² Имеется в виду июньский указ 1639 г. сёгуна Токугава Иэмицу, в соответствии с которым ни один японский корабль не имел права покинуть страну, а смертная казнь ждала не только того, кто пытался уехать за границу, но и того, кто хотел вернуться обратно. Указ предписывал доносить обо всех тайно скрывавшихся христианах и уничтожать культовые предметы, связанные с христианством (Boxer C.R. *The Christian century in Japan, 1549-1650*. Berkeley. 1951. P. 439).

⁶³ РГИА, ф. 797, оп. 43. II отд., 3 ст, л. 2 - 2 об.

⁶⁴ Васильева Е.Б. Христианство в Японии эпохи Мэйдзи и проблемы культурной идентификации японцев // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. Ч.1. – Владивосток: ДВГУ. – 2000. – С. 104

⁶⁵ Эта секта известна своей агрессивностью и нетерпимостью ко всем буддийским школам. Сам Нитирэн призывал к решительному пресечению деятельности почти всех современных ему школ, вплоть до физического уничтожения

1885). Японец стал приходить к штатному переводчику русских, желавшему усовершенствоваться в японском языке, для практических упражнений. Японское правительство, предполагая, что Татибана передает русским сведения о своей стране, решило поступить с ним по закону 1637 года, то есть казнить. Когда Татибана узнал об угрожавшей ему опасности, он стал просить Гошкевича спасти его. В это время часть русской экспедиции в количестве 227 офицеров и матросов в качестве пассажиров грузилось на немецкое судно «Грета». Среди прочего багажа был погружен ящик, в котором спрятался Татибана.

14 июля 1855 года бриг «Грета» покинул Японию. К несчастью, 1 августа «Грета» была захвачена англичанами в Гонконге (дело было во время Крымской войны) и все русские попали в плен, в котором находились до 30 марта 1856 года, когда война уже закончилась. За то время Гошкевич с помощью Косая составил японско-русский словарь. По-японски этот словарь получил название «Ва-ро цугэн хико», то есть «сравнительный анализ общеупотребительных слов японского и русского языков».

Нужно отметить, что словарь, в котором японские слова объяснялись средствами европейского языка, был составлен уже в XVI веке, когда в Японию приехали португальские католические миссионеры. Однако после закрытия страны иностранцы уже не могли приезжать в Японию, а японцы не могли покидать пределов своей страны, поэтому составление словарей японского языка на три века прекратилось. В этом смысле «Ва-ро цугэн хико» является первым словарем японского языка, созданным в Новое время, он содержал 18 тысяч слов и был напечатан с использованием кандзи (китайских иероглифов) и хираганы (японской азбуки).

18 декабря 1857 года И. А. Гошкевич получил «высочайшее соизволение» на издание «Японо-русского словаря», подготовленного совместно с Татибана-но Коосай⁶⁶. А уже 21 декабря высочайшим приказом по гражданскому ведомству он назначается Российским императорским консулом в Японии, в каковом звании он пребывал до 1865 года.

В 1861 году была составлена и издана в Хакодате русская азбука для японцев «Русского чиновника подарок японским детям» Иваном Маховым, сыном священника консульской церкви о. Василия. Махов работал над букварем пять месяцев. 500 экземпляров были отпечатаны с досок, вручную, и бесплатно раздавались желающим, а также местным властям – чтобы не было подозрений в «пропаганде».

Но цель, которую поставил себе молодой иеромонах, казалась недостижимой и после нескольких лет самоотверженной работы. Уже в 1869 году о. Николай писал: «Из всего вышесказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере, в ближайшем будущем: жатва многа. А деятелей с нашей стороны нет ни одного, если не считать мою, совершенно частную, деятельность... Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека здесь почти то же, что капля в море. Один перевод Нового Завета, если делать его отчетливо (а можно ли делать иначе?), займет еще, по крайней мере, два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Ветхого Завета; кроме того, если иметь хоть самую малую христианскую Церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ[енная] история, Церк[овная] история, Литургика, Богословие? Все это тоже предметы насущной необходимости. И все это, и другое подобное нужно переводить на «японский», о котором еще неизвестно, дастся ли он когда иностранцу так, чтобы на нем можно было писать хотя бы наполовину так легко и скоро, как иностранец обыкновенно пишет на своем»⁶⁷.

Много позднее он пишет, что в переводческих трудах «заключается вся суть миссийного дела. В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу,

---

духовенства, и искоренению их учений (прежде всего амидаизма), следование которым стало якобы причиной несчастий, обрушившихся на Японию.

⁶⁶ Прибыв в Петербург, Татибана был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел переводчиком. В 1858 году он крестился, приняв имя Владимира и отчество по имени крестного отца, Гошкевича. А также он переименовал и японскую фамилию на русскую – Яматов от древнего названия Японии «Ямато». В сентябре 1870 года он открыл свой курс преподавания японского языка на китайско-монгольском факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1874 году он вернулся на родину.

⁶⁷ И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате. Приложение к Дневникам Святого Николая Японского. /Сост. К. Накамура и др. – Хоккайдо, 1994. С.714.

написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные разности с католичеством и протестантством».

В Хакодате, за неимением перевода богослужение совершалось на церковнославянском языке, на японском же языке пелись и читались только «Господи, помилуй», «Святый Боже», «Верую» и «Отче наш». При переводе молитвы «Господи, помилуй» возник вопрос, как следует переводить слово «помилуй», которое зачастую воспринимается как помилование преступника. Епископ Николай говорил: «У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово «аварема». Так мать «милует» ребенка, «жалует» в исконном древнерусском смысле». Там же, в Хакодате, святитель Николай начал переводить Писание с китайского языка, однако вскоре убедился в несовершенстве китайских переводов и перешел к переводу Нового Завета с церковнославянского, который считал точнее русского. Каждый стих сверялся с Вульгатой, Септуагинтой и английским переводом. В трудных местах святитель опирался на толкования святого Иоанна Златоуста. За 4-5 часов работы ему удавалось перевести не более 15 стихов. После того как святитель закончил свой труд по переводу Евангелий и Апостола (первый его вариант), они также стали читаться по-японски. В числе прочего в Хакодате были переведены Послания апостола Павла к Галатам, Ефессянам, Филиппийцам и Колоссянам, а также половина Послания к Римлянам. Тогда же им были переведены краткий молитвослов (с китайского), чин крещения и присоединения иноверных, «Православное вероисповедание» святителя Дмитрия Ростовского, катехизис для оглашенных, краткое изложение Ветхого Завета, «Толковое Евангелие» епископа Михаила (Лузина) и «Нравственное богословие» митрополита Платона (Левшина).

Переехав в Токио, святитель Николай прежде всего перевел Октоих, затем Цветную и Постную Триоди, одновременно занимаясь новым переводом Евангелия. Из Ветхого Завета им были переведены все части, необходимые для совершения годового круга богослужений. Он не доверял менее педантичным переводам католиков и протестантов и потому старался даже не читать их, опасаясь подчиниться им или невольно заимствовать из них что-либо. Заветной мечтой святителя был перевод всей Библии. В 1910 году он говорил, что по его расчетам для завершения этого труда ему требовалось еще 5 лет.

«Не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских, и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдаю предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большого напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого Православия...»

Ряд трудностей и опасностей при переводе был связан и с тем, что многие иероглифы веками использовались буддистами и синтоистами, что придавало им вполне определенный смысловой оттенок, делавший невозможным или рискованным их употребление в православном контексте⁶⁸. В ряде случаев святитель рассылал перевод того или иного стиха или понятия по приходам с обращенной к духовенству и мирянам просьбой высказаться о нем.

В течение 30 лет ровно в 6 вечера в келью владыки входил его постоянный сотрудник по переводам Павел (Цукумаро) Накаи. Он был специалистом по конфуцианской классике. Потомок Суя Накаи, знаменитой персоны в истории Осаки, он крестился в осакском храме в 1878 году и был там катехизатором до тех пор, пока святитель Николай не пригласил его в Токио. Он садился на низенький табурет рядом с епископом и начинал писать под его диктовку. Работа продолжалась обычно 4 часа и заканчивалась в 10 часов вечера. Откладывалась она только в дни вечерних богослужений и праздников. В это время двери кельи преосвященного были для всех закрыты, и входил туда только слуга, Иван-сан, чтобы подать чаю. "Хотя бы небо разверзлось, - говорил владыка, - я не имею права отменить занятий по переводу"⁶⁹.

Перевод богослужебных книг начат с круга воскресного богослужения; затем святой Николай перешел к Цветной Триоди, а потом - к Постной.

⁶⁸ Скажем, в католических переводах Евангелия «Слово» переводится как «Дао».

⁶⁹ Платонова А. Ук. соч., с. 59.

«Передо мной лежат славянский и греческий тексты богослужения, с книгами под рукою, способствующими правильному уразумению его. У моего сотрудника под руками китайские и японские лексиконы и грамматики, также перед нами китайский текст богослужения, заимствованный нами из Пекина от нашей Миссии. Смотри в славянский текст и проверяя его греческим, я диктую перевод, стараясь выразить смысл с буквальной точностью; сотрудник записывает китайскими иероглифами вперемешку с японскими алфавитными знаками. Трудности перевода в этой стадии заключаются в том, что японская грамматика противоположна нашей, т.е. по-японски поставить подлежащее надо впереди, между ним и сказуемым должно вместить все, что есть в переводе, сколько бы ни было придаточных и вводных предложений, все они должны встать впереди главного сказуемого; в каждом придаточном и вводном – то же расположение частей.

Когда песнь или молитва продиктована и синтаксическое отношение части ее установлено, тогда начинается отделка написанного, причем моя главная забота – не дать ни на йоту уклониться от смысла текста; сотрудник же мой с не меньшей заботой хлопочет в интересах правильности и изящества грамматической и стилевой конструкции речи. Эта часть работы самая трудная и кропотливая. Тут-то особенно нужна китайско-японская ученость, потому что, во-первых, нужно отчетливо знать смысл каждого китайского знака, чтобы из многих однозначных иероглифов выбрать наиболее употребительный и понятный; во-вторых, нужно обсудить, оставить ли за иероглифом китайское произношение или дать ему японское, потому что иероглифы, переходя из Китая в Японию, принесли с собою китайское однозвучное чтение, которое остается за ними и доселе и которое в полном объеме доступно только глубоким ученым, но которое, грациями сокращаясь и спускаясь вниз, в значительной степени проникло до самых низких слоев народа; в то же время почти каждый знак переведен по-японски и имеет свое японское чтение. Чему следовать? По-видимому, нужно бы держаться чисто японской речи, но весьма часто случается видеть, что японское чтение знака даже для необразованных людей бывает менее понятно, чем китайское. В-третьих, нужно подумать и о том, оставить ли знаки без японской алфавитной транскрипции или, по трудности знаков либо по двусмысленности их, подставить ее и в какой мере. Одним словом, нужно решить, какой язык усвоить переводу. При мысли о важности того, что переводим, любезен нам самый почтенный язык ученый, который не стесняется много ни знаками, ни произношением их и не нуждается ни в какой транскрипции; но этот язык был бы неудобен и для средне ученых, а для мало ученых и совсем непонятен. При мысли о том, что переведенное нами должно быть доступно всем и что в этом именно и должно состоять главное его достоинство, влечет нас к себе язык массы, язык народный, но тогда перевод наш вышел бы до того вульгарным, что им сразу пренебрегли бы все, не составляющие простонародья. Положено нами употреблять язык средний. Этому стараемся и следовать, хотя, по неопределенности признаков и неясности границ, здесь широкое поле для нескончаемых споров, в которых я всячески стараюсь отстаивать наибольшую общепонятность, а мой сотрудник – защититься от вульгаризмов и соблности изящность речи. Когда наконец все эти трудности удалены, текст перевода установлен и переведена вся книга, мы опять ее проходим, тщательно сверяя с оригинальным текстом, наблюдая, чтобы по всей книге для одних и тех же оригинальных слов и выражений были употреблены и те же переводные иероглифы и чтения».

Приступая к переводу Нового Завета, Святитель вначале делал перевод с китайского на японский, но, занимаясь китайским текстом, святой Николай увидел в китайском евангельском тексте ошибки и «шероховатости» и перешел к непосредственному переводу с русского и славянского. Епископ Николай работал над переводами до дня своей кончины. Он мог повторить слова святого Дмитрия, митрополита Ростовского: "Моему сану надлежит слово Божие проповедати не только языком, но и пишущей рукою. То мое дело, то мое звание, то моя должность"⁷⁰.

Хотя православный перевод Библии и вышел в Японии позже издания там книг Священного Писания представителями других Церквей, этот перевод считался величайшим достижением переводческого мастерства той эпохи. Уже один только этот перевод обеспечил святителю Николаю и Павлу Цукумаро Накаи бессмертие в мире японской словесности. Благодаря именно этой их работе православных верующих можно теперь найти в Японии повсеместно. Этот подвижнический труд имел столь же высокое духовное значение для японцев, что и труды святых Кирилла и Мефодия для славян.

---

⁷⁰ Антоний (Мельников), архиепископ. Ук. соч. с. 5-61, с. 53.

Деятельность в Токио

Вскоре по прибытии в Токио Николай получил предложение министра иностранных дел Соэдзима открыть школу русского языка, но отказался от этого предложения. Образование должно было быть на втором плане. Император Мейдзи, переводчиком которого Николай был во время визита в Японию царя Александра II в 1872 году, также заинтересовался Николаем. Николай обучал русскому языку сыновей графа Хидемару и министра иностранных дел Соэдзима. По примеру европейских миссионеров он решил открыть у себя дома частную школу, чтобы учить японцев русскому языку, для чего снял помещение близ гостиницы Цукидзи, в которой он первое время жил. В это время многие молодые люди желали изучать русский язык, и когда в 1872 году гостиница сгорела, Николай переехал в местность Ирифуне, где также открыл школу русского языка. В ней учились среди прочих два сына министра. Число ее учеников постепенно достигло 150 человек.

По переезде в Токио пришлось все начинать заново: подыскивать помещение, преодолевать недоверие и вражду населения. Но и здесь, как в Хакодате, вскоре бонзы стали его первыми друзьями. Проповедь в Токио шла успешно. 12 человек было подготовлено к святому Крещению. Таинство было совершено тайно от всех. Первый камень был положен. Отец Николай радовался и возносил благодарение Господу Богу.

На другой день приходит он к своему знакомому старику-бонзе. Тот протягивает ему японскую тетрадь-рукопись. Архимандрит Николай развернул и ахнул. В ней подробно описывался обряд крещения, только что совершенный им, даже рисунки приложены были. Испуг невольно отобразился на лице миссионера. Правительство может теперь прекратить проповедь, его могут выслать из столицы. Кто-то выдал. Бонза добродушно посмеивался на испуг отца Николая и успокоил его, сказав, что этот документ был подан в их высший духовный совет, в котором заседало трое главных бонз (в том числе и этот старик - друг архимандрита Николая). Там хотели возбудить дело, но он (старик-бонза) заступился, и дело не состоялось. Так доброе отношение к отцу Николаю спасло его и новообращенных японцев от преследования⁷¹.

В сентябре 1872 г. святитель Николай выбрал на холме Суругадай в районе Канда в старом Токио место для Русской духовной миссии и приобрел его на условиях бессрочной аренды за 290 руб. золотом ежегодно, что оказалось во многом возможным благодаря покровительству русским миссионерам со стороны тогдашнего министра иностранных дел Соэсима Танэоми. Там во времена средневековья возвышалась пожарная каланча, служившая одновременно и своеобразным маяком для судов, входивших в порт Эдо. На этом холме планировалось построить православный собор. Николай купил бывшее здание Тода и поселился в нем. На этом месте стоит теперь Воскресенский храм (Николай-до). Постепенно школа русского языка с лекциями по Православию переехала на Суругадай. Однако рядом была открыта конкурирующая школа, которая привлекла многих студентов, интересовавшихся более языком, чем религией. Вместе с наиболее способными учениками святителем Николаем и другими преподавателями был составлен русско-японский словарь, который на ближайшие годы стал незаменимым учебным пособием⁷².

Когда в 1873 году последовала отмена старых указов против христианства и стала возможной открытая проповедь веры Христовой, перед архимандритом Николаем открылось необозримое поле деятельности. Можно было строить церкви, совершать богослужения, устраивать публичные собеседования, образовывать общины и, главное, возвещать во всеуслышание устно и письменно о Христе!

В эти годы апостол Японии писал: «Признаки того, что Богу угодно просвещение Японии светом Евангелия, с каждым днем выясняются все более. Взгляните на этот молодой, кипучий народ. Он ли не достоин быть просвещенным светом Евангелия? С каждым днем ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, жаждущие знать о Христе. С каждым днем число новообращенных растет... В Сендай бы теперь! Более сотни верующих жаждут там святого Крещения. В Осака бы теперь! Везде сочувствующие нам, везде жаждущие нас, везде дело живое, животрепещущее, везде зачатки жизни полной, горячей, глубокой. И да внимлет Бог моим словам, моей клятве! Не верите искренности моих слов? Увы, я слишком ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую сам свою искренность. Что я? Имею косный и слабый язык возвещать дела Божий. Но

⁷¹ *Сергий, архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера), Сергиев Посад, 1897, с. 102.

⁷² Первая грамматика японского языка, составленная на основании английских руководств Астона и Имбри иеромонахом Димитрием (Смирновым), появилась только в 1890 г.

камень бы разве на моем месте не заговорил? Вот в сегодняшний вечер, занятый письмами, замедлил катихизацией, - и трое уже один за другим приходили и, кланяясь в землю, просили говорить о Христе.

Какой труд для Бога не увенчается успехом?»⁷³.

Школа святителя Николая стала катехизическим институтом с богословскими исследованиями на русском языке. В 1873 году школа была преобразована в катехизаторское училище, а с 1875 году стала существовать как духовная семинария (Сэйке сингакко) с программой, рассчитанной на 7 лет. Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 году. Семинария принимала студентов в возрасте от 15 до 60 лет, которые имели начальное образование. Семинария пользовалась японским языком для преподавания японской истории, математики, иероглифики, литературы и классических исследований по Китаю, в том числе непременно для японцев китайской конфуцианской классики. Русские тексты использовались для преподавания Ветхого и Нового Заветов, вероучения, церковной истории, всемирной географии и истории, логики, литургики, гомилетики, физики, психологии, апологетики, систематического богословия, канонического права, философии, церковной музыки. В программу также входила гимнастика. Здоровью своих подопечных Николай уделял особое внимание, и отправлял их отдыхать на море или на дачу, специально для этого построенную в курортном месте, а при семинарии действовал клуб дзюдо. К концу жизни отца Николая семинария получила права среднего учебного заведения Японии, лучшие ученики отправлялись в Россию в духовные академии: Киевскую и Петербургскую⁷⁴.

При семинарии действовала катехизаторская школа, курс обучения в которой составлял два года. В нее принимали учеников в возрасте от 18 до 60 лет с рекомендацией и личным ручательством местных катихизаторов. С 1873 г. при миссии открылась женская духовная школа, построенная по образцу русских епархиальных училищ, в которой ученицам прививали навыки домоводства и шитья, рисования и пения. Первой ее директрисой была М. А. Черкасова. Ещё одну духовную женскую школу миссия содержала в Киото. Японские христианки заботились о сиротах, для чего при миссии был устроен первый в Токио приют.

С 1873 г. в Токио началась постройка большого дома миссии с домовою церковью в нем. Средства на строительство в размере 32 тыс. руб. были собраны почти исключительно адмиралом графом Е. В. Путягиным. "Дочь его Ольга Ефимовна... на свои средства и средства графини Орловой-Давыдовой построила в 1873 г. дом для женской духовной школы на 100 учениц"⁷⁵. Ольга Ефимовна была дружна с отцом Николаем и в 1884 году монахиней приехала в Японию помогать ему в миссионерской деятельности.

Немалое внимание уделял святитель Николай и женскому миссионерству. Вера Христова только тогда прочно оснуется в стране, - писал он, - когда сделается основой семейной жизни; внести же ее в семейство может по преимуществу женщина... Но для того, чтобы японские женщины сделались усердными и благочестивыми, им нужно видеть настоящих христианок, и учиться из живого примера жизни и из устных бесед обязанностям истинных христианок. Кроме того, диакониссы совершенно необходимы... для введения женского христианского образования»⁷⁶.

В 1875 году женская школа в миссии была преобразована в женское духовное училище, где преподавались Закон Божий, арифметика, японская и всеобщая география, китайский, японский и русский языки, каллиграфия и житие. Святой Николай высоко ценил участие женщин в распространении христианства и в духовном преобразовании семейной жизни. Училище могло готовить и жен для духовенства, понимающих и разделяющих стремления своих мужей⁷⁷.

Почти во всех больших приходах организуются так называемые женские дружеские общества, содействующие религиозно-нравственному воспитанию прихожан. Они устраивают ежемесячные собрания, где предлагают чтение житий святых, толкования на молитвы и Свящ. Писание или объясняют историю праздника; здесь же выбирают женщин для оглашения язычников, для помощи бедным, для забот о воспитании детей.

Вскоре, из-за быстрого роста числа православных японцев, стала ощущаться нехватка духовенства, которое могло бы руководить церковной жизнью. Первым православным священником из японцев

⁷³ Платонова А. Ук. соч., с. 35-36.

⁷⁴ Антоний (Мельников), архиепископ Ук. соч., с. 32-33.

⁷⁵ Макаров С.О. Православие в Японии. СПб., 1889. С. 13.

⁷⁶ Архимандрит Николай. Воззвание Японской духовной миссии к Русской Церкви. // Миссионер, 1876, №21, стр. 169.

⁷⁷ Антоний (Мельников), архиепископ Ук. соч., с. 5-61, с. 33

стал Савабе, а диаконом - Сакай. Еще пятеро проповедников были рукоположены в 1878 году; для этого им пришлось совершить поездку во Владивосток. Также к этому году было уже 27 катихизаторов и 50 катихизаторских помощников. Число японских священников постоянно росло. В 1883 году их было 11, а в 1890 - 18.

Любое из этих начинаний не обходилось, конечно, без инициативы и самого деятельного участия со стороны святителя Николая, к тому времени уже снискавшего большую популярность в самых различных слоях японского общества. "Имя преосвященного Николая в Японии, - писал впоследствии один из его воспитанников, - пользуется громкой известностью не только между христианами разных исповеданий, но и между язычниками. Само здание православной миссии в простонародии называется "домом Николая". Все, близко знакомые с жизнью и деятельностью преосвященного Николая, глубоко уважают его и питают к нему искреннюю любовь и преданность"⁷⁸.

Не было такого участка в миссионерской деятельности, где бы энергично и деятельно не проявлялся его пылкий и всесторонний ум. С открытием теперь уже целой сети учебных заведений он лично приступил к составлению ранее упомянутого «русско-японского лексикона», так как «юные овцы нарождающегося стада Христова буквально жаждут христианского учения, как росы небесной; хватают на лету каждое обращенное к ним слово, с участием осведомляются о времени каждого будущего чтения»⁷⁹. В этих условиях требовались фундаментальные познания не только в области догматики, но и японского языка, на котором святитель Николай совершал богослужение. Нередко он брал на себя и преподавание дисциплин общеучебного цикла, так как для 42 учащихся миссионерской школы сил одного учителя-японца Дамиана Игараси явно не хватало.

В июле 1875 года, когда в Токио прибыл Преосвященный Павел (Попов), епископ Камчатский, Курильский и Алеутский чтобы рукоположить во священный сан рекомендуемых архимандритом Николаем кандидатов из местного населения, при Миссии в Токио действовали четыре училища - катихизаторское, семинарское, женское, причетническое, а в Хакодате два - для мальчиков и девочек. В этот приезд епископа состоялось рукоположение в священнический сан катехизатора Павла Савабэ и в диаконский сан - катехизатора Иоанна Сакай.

Первые и впечатляющие успехи святителя Николая на японской земле настоятельно требовали дополнительных сил, средств и помощников. Но было «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9, 37). Только в 1874 г. в Японию прибыло пополнение в лице иеромонахов Киево-Печерской Успенской Лавры отца Евфимия (Четыркина) и отца Моисея (Костылева), ни один из которых, правда, не сумел надолго задержаться в миссии. "Живущие в отдаленных странах Востока, - писал по этому поводу в Святейший Синод святитель Николай, - знают, как ужасна эта... болезнь по родине... Здесь не редкость видеть, как человек бросает прекрасно начатую службу или торговые дела и с расстроенным организмом и полупомешанным рассудком уезжает спасать остаток здоровья на родине"⁸⁰.

На смену умершему в январе 1874 года псаломщику Виссариону Сартову в состав миссии был определен выпускник Кишиневской духовной академии Иаков Тихай в звании регента, сумевший прославить хакодатскую консульскую церковь своими бесподобными хорами, которые он готовил из числа учащихся русской школы⁸¹. «Мы не должны забывать о той большой роли, которую сыграл церковный хор Русской Православной Церкви в истории культуры Мэйдзи и, в частности, музыкальной культуры этого периода»⁸², - совершенно справедливо отмечает современный японский исследователь Усимару Ясуо.

⁷⁸ Сеодзи С.Н. Как я стал христианином // Русский вестник. СПб., 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 54.

⁷⁹ РГИА, ф. 796, оп. 151. № 1422а, л. 274 об.

⁸⁰ Там же, л. 175 об.

⁸¹ Отец Евфимий оставлен был при миссии в Токио, а отец Моисей отправлен в Хакодате, но потом отец Евфимий был замещен отцом Моисеем. Отец Моисей уехал из состава миссии в 1875 г., а отец Евфимий продержался до конца 1877 г., заведя некоторое время новооткрытым миссионерским станом в г. Осака. Вместо этих двух миссионеров в 1878 г. прибыли священник Гавриил Чаев и в 1879 г. иеромонах Владимир. Однако отец Гавриил, жалуясь на плохое зрение, в начале 1882 г. вернулся в Россию. Тогда же вернулась на родину и М. А. Черкасова. Таким образом, к 1886 г. святитель Николай оставался в Токио почти один (исключая псаломщика Д.К. Львовского). Возведенный в сан архимандрита отец Анатолий имел местом своего пребывания г. Осака.

⁸² Зенина Л.В. Японские ученые о Российской духовной миссии в Японии // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 1996. Вып. 2. Памяти Святителя Николая, апостола Японии (1836-1912). С. 26.

Но и этого количества миссионеров и русских, и японцев было недостаточно, чтобы удовлетворить всех жаждущих познать учение Христово. И как не стремительно возрастала Японская Церковь, все равно не хватало миссионеров на местах. Тем не менее, в России не находилось желающих потрудиться на апостольской ниве. Красной нитью проходит через весь дневник мечта святителя о настоящих православных миссионерах в Японии. «И вот жду, жду я себе другого товарища. Не ждет с таким нетерпением влюбленный жених свидания с невестой, как я жду его!» (1872 год). «Что за отвратительное дело! ... что лучше, возвышенной... служения миссионерского! И... в 20 лет кого из сотрудников приобрел? Или флюгера, или полусумасшедшие, или совсем рехнувшиеся! Я почти в отчаянии! Едва ли выйдет что из Японской Миссии!» (1881 год). «Господи, когда же воспрянет Россия к делу православия? Когда же вьются православные миссионеры? Или Россия и вечно будет производить все таких же самодуров и нравственных недорослей, какими полна доселе и каких высылала сюда немало? – вечно, пока так и не погибнет в своем нравственном и религиозном ничтожестве к страшному своему осуждению на Суде Божьем за то, что зарыла талант?» (1896 год)⁸³.

В подобии рекламного объявления и призыва «вопиющего в пустыни» просветитель Японии пишет: «В двукратные мои личные поиски желающих сюда во всех академиях я находил немало; но, по выслушании, или прямо отказывал, или доводил до отказывания. Иной спрашивает: «какие выгоды службы?» такому прямо: «вы не годитесь». Иной: «какое жалованье?» почти прямо то же. Иной: «интересно посмотреть страну», - вы не нужны и т. п. Ни одного не встретил, который бы, выслушавши, глубоко задумался, потом молвил: «желаю послужить славе Божией и спасению братьев, не знающих еще пути спасения». А вот такого именно нужно. И такой прежде всего должен быть смиренным рабом Божиим, с свежою душой, отличными умственными способностями, крепкою волею, чистым сердцем, но не замечающим ничего этого у себя, а считающим себя неключимым рабом Божиим»⁸⁴.

Учитывая тяжелое финансовое положение миссии, 12 августа 1875 года последовали императорский указ и опубликованное в правительственных газетах страны "Воззвание о повсеместном в России сборе пожертвований на нужды православной духовной миссии в Японии", которым все заинтересованные и имущие граждане призывались оказать посильную помощь в деле проповеди Православия через сеть местных комитетов православного миссионерского общества и в специальных представительствах миссии в Москве и Санкт-Петербурге. Отклик на это воззвание был повсеместным. Большую помощь миссии оказали Его Императорское Высочество великий князь Алексей Александрович, вице-адмирал К. Н. Посьет (протестант по вероисповеданию), диакон Успенской на Остоженке церкви в Москве Г. Г. Сретенский, временный поверенный в делах и генеральный консул России в Японии Е. К. Бюцов и многие другие. Не оставляло своим вниманием и заботой православную миссию в Японии и само российское правительство.

Немалую роль в этом, конечно, сыграло то политико-дипломатическое значение, которое связывалось правительством с деятельностью миссии в Японии. «В политическом отношении дело нашей духовной миссии в Японии огромное. Она рассеивает тот страх и то недоверие к России, которые посеяны нашими моряками (Хвостов и Давыдов) еще с начала настоящего столетия и тщательно поддерживаются издающимися в Японии английскими газетами; развивает знакомство с Россиею и в значительной части населения Японии поселяет создаваемое распространением христианства чувство родства к русским по вере»⁸⁵, - писал впоследствии русский консул в Нагасаки В. Я. Костылев.

К 1878 году в Японии насчитывалось уже 4115 христиан, существовали многочисленные христианские общины. К 1890 году было уже 18 священников из числа японцев. Богослужение и преподавание на родном языке, издание книг религиозно-нравственного содержания - вот средства, которые позволили Миссии добиться за короткий срок столь значительных результатов.

В январе 1879 года в Японию прибыл выпускник Казанской Духовной Академии иеромонах Владимир (Соколовский-Автономов) (1852-1931). Хотя он до 1886 года заведовал учебной и воспитательной частью в Токийской духовной семинарии и непосредственного участия в миссионерских путешествиях не принимал, тем не менее, он на всю оставшуюся жизнь остался преданным учеником миссионерской школы просветителя Японии. 20 декабря 1887 года он был

⁸³ Цит. по книге Николай-до. Спб., Библиополис, 2001. Стр. 68, 76, 122-123.

⁸⁴ Православный благовестник, 1908, №7, с. 331-333. Настоятельная нужда в сотрудниках для Японской миссии.

⁸⁵ Архив востоковедов. Спб. Филиал Института востоковедения Российской Академии наук, ф. 65, оп. 1. № 37, л. 5.

хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. Владыка Владимир позаботился об использовании английского языка в богослужениях в Сан-Францисском соборе: благодаря знанию языков и музыкальным дарованиям он положил на музыку ряд своих английских переводов богослужебных песнопений, а также назначил сербо-американца отца Севастиана (Дабовича) англоязычным проповедником при соборе. Это привлекло в собор больше верующих, из-за чего встал вопрос о постройке более поместительного соборного храма. Епископ Владимир несколько раз пересек континент, посещая свою паству. В эту пору многочисленные униаты из Австро-Венгрии, эмигрировав в Америку, начали возвращаться в лоно Православной Церкви. Главной темой его публикаций было опровержение римо-католической пропаганды, особенно на примере опыта в Японии⁸⁶.

Японская Церковь продолжала увеличиваться и ей нужен был свой епископ. Архимандрит Николай возбудил перед Синодом этот вопрос. Видя успехи миссии в Японии, Святейший Синод нашел нужным назначить туда епископа. И, конечно, кто мог быть лучшим кандидатом, как не сам архимандрит Николай. Его запросили телеграммой, согласен ли он быть епископом. Он ответил: «Если из России не может быть назначен епископ, я согласен»⁸⁷.

В 1879-1880 годах архимандрит Николай посетил Санкт-Петербург, Москву, Казань, Киев и Одессу, собирая добровольные пожертвования на строительство кафедрального собора в Токио.

30 марта 1880 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась хиротония архимандрита Николая во епископа Ревельского, викария Рижской епархии. Хиротонию возглавил митрополит Новгородский и С.-Петербургский Исидор. При вручении жезла митрополит сказал новому епископу: «До конца жизни тебе служить взятому на себя делу, и не допусти, чтобы другой обладал твоим венцом». «Да памятуется это мне,- писал преосвященный Николай, - всегда среди раздумья!»⁸⁸.

После посвящения епископ Николай пробыл еще некоторое время в России, собирая пожертвования на Миссию, посещая святыни Русской земли. Он со всеми был приветлив, всех очаровывал даже самой наружностью своей, полной достоинства и сознания какой-то независимости, но думал только о том, как бы поскорее вернуться на дорогое дело в Японию.

Вернувшись в Японию, святитель с еще большим усердием стал продолжать свои апостольские труды: завершил строительство собора Воскресения Христова в Токио, принялся за новый перевод Богослужебных книг, составил на японском языке особый православный Богословский словарь.

Постройка кафедрального собора Воскресения Христова в Токио началась в 1884 г. Проект храма, рассчитанного на полторы тысячи прихожан, был выполнен выдающимся русским архитектором, профессором М.А. Щуруповым⁸⁹. Непосредственно постройкой храма руководил английский зодчий Джошуа Кондер⁹⁰. Решено было воздвигнуть храм на холме Суругадай. Но на нем не хватало места для постройки такого величественного храма. Пришлось делать громадные насыпи и, ввиду частых землетрясений, особенно тщательно закладывать фундамент. Постройка стен и арок длилась пять лет. Все усовершенствования техники были применены самым тщательным образом. Но много горьких минут пережил владыка Николай, прежде чем окончил это святое дело. Сколько нападений, сколько враждебных толков возбудила постройка собора. По словам святителя, каких только проектов по этому поводу не строили, чтобы исхитить из вражьих рук эту неприятельскую крепость, сооружаемую среди столицы на таком возвышенном месте, что оттуда будто бы император в своем дворце может быть наблюдаем во всякое время. Одни предлагали воздвигнуть гору, которая

---

⁸⁶ 2 октября 1891 года он выехал в Россию, где был назначен епископом Острогским, викарием Воронежской епархии. С 22 декабря 1896 года он - епископ Оренбургский и Уральский. С 26 ноября 1903 года - епископ Екатеринбургский и Ирбитский. 18 марта 1910 года был уволен на покой по болезни и назначен настоятелем Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В 1921 году Патриархом Тихоном был возведен в сан архиепископа и назначен на Екатеринославскую кафедру. В 1924 году был арестован и выслан в Москву без права выезда. С июня 1926 года служил во Всехсвятской церкви села Алексеевского фактически в качестве священника на приходе. Последние годы провел в полузатворе и аскезе. Скончался 17 ноября 1931 года в Москве в страшной нищете.

⁸⁷ *Марк (Лозинский), игумен*. Ук. соч., с. 185-230, с. 210.

⁸⁸ *Платонова А.* Ук. соч., с. 43.

⁸⁹ Щурупов Михаил Арефьевич (1815-1901), петербургский архитектор. Проектировал в российской столице ряд храмов: Николая Чудотворца - на Черной речке, св. Бориса и Глеба на Калашниковской пристани, церковь Воздвижения Креста Господня на углу Большой Посадской и Малой Монетной улиц, церковь Смоленской Божией Матери за Невской заставой.

⁹⁰ Джошуа Кондер (1852-1920), английский архитектор, широко известный в Японии. Ему принадлежат проекты зданий Токийского императорского музея (1881), дворца Рокумэйкан (1883), здание Морского министерства (1895).

закрывала бы императорский дворец от храма, другие советовали обнести храм такою высокою стеною, чтобы с крыши его нельзя было видеть дворца, третьи требовали за миллион купить храм и подарить его императору.

Собор был освящен 8 марта 1891 года став одним из величайших зданий японской столицы. На освящении присутствовало 19 японских священников и более 4 тысяч христиан. И в то время, как христиане-японцы возносили свои молитвы веры и любви в новосозданном храме, их братья-язычники в изумлении стояли около дома Всевышнего. В 8 часов утра раздался первый удар колокола православного собора, за ним другой, третий... а затем и трезвон от рук искусного звонаря, специально выпущенного из России. Пораженные неслыханным звоном, японцы, как бабочки на огонь, помчались к Суругадаю, и несметными толпами окружили собор... Православный храм, именуемый в народе "Николай-до" (дословно - "храм Николая"), скоро стал достопримечательностью японской столицы. 7 лет продлились строительные работы, в результате которых в Токио появился невиданной на Востоке красоты и величия собор. Кирпичный храм поражал грандиозностью: его покрытый медными листами купол вознесся над землей на 35 м., колокольня - на 40 метров. Площадь внутреннего пространства составила 805 кв.м. Кстати, это было первое в Японии здание, в каркасе которого были использованы железные балки. Его постройка обошлась в гигантскую по тем временам сумму – 500 тысяч рублей. Большую часть этих денег составляли пожертвования. Храм стал украшением всего христианского мира на Дальнем Востоке⁹¹. До появления в 1891 г. собора Воскресения Христова в Токио японские православные сооружения за редким исключением не имели ничего общего с православной храмовой традицией. Русские моряки узнавали в его очертаниях образ главного храма российского флота - Морского собора Св. Николая в Кронштадте.

К сожалению, землетрясение 1923 года разрушило его колокольню и купол, а само здание сгорело. С 1927 года по 1929 год митрополит Сергей (Тихомиров) восстановил собор в его нынешнем виде. Храм восстанавливал японский строитель Синъитиро Окада, который внес некоторые коррективы в первоначальный вид собора. Изменения затронули купол, колокольню и часть интерьера. Купол стал чуть выше, а колокольня значительно ниже. В результате многое из первичного облика собора было утрачено. Тем не менее, и сейчас Никорай-до является крупнейшим православным сооружением Японии, памятником истории и культуры⁹², хотя собор и окружен многоэтажными домами, и его размеры не так заметны, как прежде. В период Мейдзи он подавлял окружающие здания и, господствуя над районом Суругадай, был виден в Токио отовсюду.

Между тем, в 1889-1890 годах произошел всплеск ксенофобских настроений по всей Японии. Подходил срок продлевать договоры (трактаты) по сотрудничеству и торговле между Японией и другими странами. В. Червяков, знаток Дальнего Востока, писал: «В японском обществе в течении последних лет шло глухое брожение против чрезмерного увлечения всем иностранным, против слепого поклонения западным идеалам и обычаям и презрения ко всему своему; это движение приняло широкие размеры и стало сказываться резким отчуждением и холодностью высших, образованных классов Японии по отношению к иностранцам вообще. Теперь, при мысли, что вся страна безданно-беспощинно, так сказать, будет открыта этим иностранцам, японским обществом овладела вдруг паника. Местная пресса, являющаяся верным показателем господствующего в тамошней интеллигенции настроения, на все лады звонила о том, что Япония будет теперь наводнена иностранной эмиграцией, ее национальные обычаи погибнут, ее естественные богатства, торговля и промышленность – все попадет в руки иностранных капиталистов, самая почва ее путем аренды или покупки перейдет в руки тех же самых иноземных богачей; народ японский обратится фактически в их рабов, и независимая Япония не будет существовать больше. Чтобы не дать возможности осуществиться всем этим ужасам, в местной печати стала проводиться та идея, что переговоры о пересмотре трактатов не могут считаться действительными...

Несмотря, однако, на все более и более возраставшее общественное возбуждение, японское правительство продолжало энергично вести с иностранными державами переговоры о пересмотре

---

⁹¹ Подробнее см. *Боголюбов А.М.* Храм Воскресения Христова в Токио // «Три искусства». – 2001. – № 2. – С. 28-29; *Яковлев Н.А.* Михаил Щурупов (Архитекторы Санкт-Петербурга). – СПб: «Белое и Черное» – 2001. – 272 с.

⁹² *Левашко С.С.* Влияние русской православной традиции на становление японского православного зодчества, 1891-1917 годы Макарьевские чтения: материалы второй международной конференции (21-22 ноября 2003 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск.: Горно-Алтайский государственный университет. – 2004. – С. 200-206.

трактатов. Негодование обрушилось тогда на графа Окума⁹³, министра иностранных дел, главного сторонника пересмотра трактатов в духе благоприятном для европейцев; его громко стали называть изменником национальному делу. Нашелся один фанатик, который 25 октября 1889 года бросил в графа Окума динамическую бомбу, раздробившую министру бедро. Считая свою жертву мертвой, убийца тут же зарезался. Граф Окума отделался потерей одной ноги, но его дело на этот раз было проиграно; японское правительство ввиду крайне опасного характера, какой начала принимать агитация против широкого открытия Японии иностранцам, прекратило переговоры о пересмотре трактатов, и даже те трактаты, которые были уже заключены с Америкой, Германией и Россией, остались нератифицированными⁹⁴.

В августе 1890 года в миссию прибыл иеромонах Сергей (Страгородский), будущий Патриарх. Так же как и святитель Николай о. Сергей был в течение одного года был пострижен в монашество, рукоположен во священный сан, выпущен из Санкт-Петербургской Академии первым со степенью кандидата богословия и отправлен в Японию. Однако в Японии заниматься непосредственно миссионерской проповедью не пришлось. Но это становилось уже привычным явлением: «Что касается тех немногих православных миссионеров, которые один за другим приезжали из России, — говорится в официальном отчете японской миссии, — то они за недостатком времени пребывания в Японии не успевали принимать непосредственное участие в проповеди»⁹⁵.

Архиепископ Иоанн (Разумов) в книге «Святейший Патриарх Сергей» называет и другие причины неудачной проповеди о. Сергия: «...проповедовал он лишь изредка, в отдельных случаях; и большей частью эти попытки не были удачны: «Вскоре после постройки и освящения в Токио нового православного собора, было решено назначить из числа миссионеров гида-проповедника, который показывал бы собор японцам и попутно знакомил бы их с истинами Православной веры, — пишет в своих воспоминаниях сам о. Сергей, — Преосвященный сначала хотел поручить все это мне, но, конечно, после первых опытов пришлось ему эту мысль оставить; и язык я изучал собственно только около двух месяцев; этого слишком мало, чтобы говорить с непривыкшими к ломанному выговору язычниками о таком важном вопросе, как вера. Христианин верующий простит миссионеру все его грамматические недочеты, потому что он смотрит на него, как на учителя истины, язычник же видит в нем только гугнивого иностранца, невольно возбуждающего смех»⁹⁶.

...И, думается, здесь, видимо, дело не только в недостаточном знании японского языка: уже здесь в самом начале деятельности приснопамятного Патриарха, сказался ряд его специфических особенностей. Глубокий мыслитель, необыкновенно вдумчивый богослов, человек огромных знаний и начитанности, Патриарх был замечательным духовным писателем, прекрасным организатором,

---

⁹³ Маркиз Окума Сигэнобу (1838-1922) — японский государственный и политический деятель, дипломат, финансист, педагог периодов Мэйдзи и Тайсё. Родился в семье самурая. Во время революции 1867-68 годов был назначен судьей в Нагасаки, где изучил голландский и английский языки. После реставрации Мэйдзи, в 1867—1868 гг. занимал высокие должности в промышленных и финансовых ведомствах нового правительства. 1 июня 1878 г. О. и юрист Сибусава Ейичи открыли первое в истории Японии финансовое учреждение, ставшее впоследствии Токийской фондовой биржей. Находился в должности министра финансов в 1873—1881 годах, пересмотрел систему выплаты жалования вассалам феодалов. Имел тесные связи с фирмой Мицубиси, которая в будущем стала одним из крупнейших концернов Японии. В 1882 году О. сформировал одну из первых политических партий Японии — Партию конституционных реформ, которая вскоре сделалась очень влиятельной и стремилась к сближению с чужеземцами. В том же году он основал Специальную токийскую школу, в 1902 году преобразованную в университет Васэда, один из крупнейших и престижнейших частных университетов современной Японии. В 1888—1889 годах занимает должность министра иностранных дел; с двенадцатью державами ему удалось заключить новые соглашения, но перед полагавшимся привлечением на 12 лет иностранных судей в туземные судебные палаты он навлек на себя сильное неудовольствие в стране. После покушения был вынужден оставить должность. Повторно занимал должность министра иностранных дел, а также должность министра сельского хозяйства и торговли в 1896—1897 годах. Один из основателей Конституционной партии, на основе которой 30 июня 1898 года формируется первый в истории Японии партийный кабинет, который тем не менее продержался всего четыре месяца. В 1907 году покидает политику и на 7 лет становится ректором университета Васэда; возвращается в политику в ходе первого выступления в защиту конституции, занимает должность Премьер-министра и формирует свой второй кабинет в 1914 году. При нем Япония вступает в Первую мировую войну на стороне Антанты и выдвигает 18 января 1915 года ультимативного грабительского «Двадцати одного требования» Китаю. В августе 1915 года О. провёл реорганизацию своего правительства и помимо должности премьера занял должность министра иностранных дел. В июне 1916 года за заслуги перед державой император наградил его титулом косяку (маркиза). В октябре того же года кабинет О. в полном составе ушёл в отставку. Умер 10 января 1922 года.

⁹⁴ Червяков В. Из новейшей истории Японии. Вестник Европы. 1894. №12, с. 521-522 // Цит. по: Архиепископ Иоанн (Разумов). Святейший Патриарх Сергей. Машинопись. Псков. 1965. с. 61-63.

⁹⁵ Прибавление к «Церковным Ведомостям». 1895. №2, с. 45.

⁹⁶ Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке, с. 130-131.

любящим, добрым пастырем, но он никогда не был и не мог быть проповедником: его проповеди, которые печатались впоследствии в журналах – это глубокие богословские трактаты: они производят впечатление, когда их читаешь, и оставляют совершенно холодным слушателя. Человек на редкость застенчивый и скромный, Патриарх смущался, чувствуя на себе взгляды слушателей. Человек простой и совершенно не склонный к аффектации, он был лишен пафоса и апломба, которые всегда действуют на слушателя.

Несмотря на то, что молодой иеромонах не занимался в Японии проповедью Христовой веры язычникам, вклад его в дело христианизации Японии огромный. Работа в Духовной семинарии, труды в качестве приходского священника в Киото, «где свил себе гнездо буддизм, где построен католический храм, где протестанты имеют университет, где все силы мира как бы поглощают ничтожную волну Православия»⁹⁷, наконец, впоследствии организация приходов в Японии и Китае — все это сделало имя иеромонаха Сергия славным в миссионерских кругах»⁹⁸.

Епископ пользовался огромным уважением, много его почитателей было как в России, так и в Японии. К его авторитету прибегали по очень широкому кругу вопросов, от востоковедческих статей до межгосударственных отношений. Дипломатические качества епископа Николая особо проявились в разрешении конфликта из-за известного "инцидента в Оцу", когда было совершено покушение на наследника российского престола Николая Александровича.

Это был беспрецедентный случай. В конце апреля — начале мая 1891 года цесаревич Николай Александрович, будущий российский император, на фрегате «Память Азова» прибыл с визитом в Японию и посетил города Нагасаки, Кагосима, Кобе, Киото и Оцу. Также планировалась поездка в Токио на освящение Воскресенского кафедрального собора, но 11 мая 1891 года в городе Оцу, неподалеку от Киото, на цесаревича, посетившего Японию по приглашению японского императора и которому последний гарантировал безопасность, было совершено покушение полицейским из состава охраны. Япония оказалась перед лицом скандального дипломатического провала, и даже перед угрозой безопасности страны, так как в то время семи военным кораблям России, сопровождавшим престолонаследника, ничего не стоило уничтожить весь японский флот. О гневе русских говорил факт их отказа от услуг японских врачей, присланных императором, хотя рана была пустяковой. Сам японский император поспешил лично приехать к Николаю Александровичу, проводил его до порта и даже поднялся на борт русского военного корабля - поступок немислимый для правящего японского монарха. В события вмешались российский посланник Шевич и епископ Николай. Николай особенно усердствовал и, в частности, больше других уговаривал цесаревича не доводить дело до войны с Японией. Цесаревич принял извинения японского императора. Инцидент разрешился мирно.

В период Мейдзи Воскресенский собор в Токио любили, о нем говорилось в поэмах и песнях, он был темой для художественного творчества. В воображении народа он был символом христианства, его большая колокольная словно бы призывала Японию к новой эре. Торжественные совершения литургии, расписанные фресками стены, песнопения хора мужчин и женщин известны были всему Токио. Хор состоял из семинаристов. Их антифонное пение создавало впечатляющий музыкальный эффект. Литургия в соборе привлекала любителей музыки. Профессор философии Токийского университета Рафаэль Келе неоднократно водил своих студентов на богослужения. Студенты Токийской музыкальной академии «Уэно» присутствовали за богослужениями почти каждое воскресенье. Хор первоначально возглавляли русские профессора хоровой музыки Иаков Тихай и Димитрий Львовский, а позже японские музыканты Козабуро Охира, Дзукучи Токайрин, Рокуро Накадзима и Йохиносин Кису.

Йохиносин Кису, учившийся в Петербургской консерватории по классу скрипки, известен внедрением этого инструмента в музыкальную культуру Японии. Начиная с 1893 года он 50 лет проработал регентом соборного хора. Без преувеличения можно сказать, что хор Воскресенского собора сыграл важную роль в развитии музыки в Японии. И не только собор, но Токийская Православная Семинария и катехизическая школа также заметны были в период Мейдзи. Их воспитанники повлияли на все сферы японской культуры.

"Для непрерывного общения с церквями и наблюдения за их жизнью святитель Николай предпринимал ежегодные пастырские путешествия по Японии. Обычно он объезжал общины со священником, в ведении которого они находятся. Местные христиане, задолго до приезда владыки,

⁹⁷ *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке, с. 82.

⁹⁸ *Архиепископ Иоанн (Разумов)*. Святейший Патриарх Сергей. Машинопись. Псков. 1965. с. 72-75.

готовятся к встрече своего любимого "дайсимпы" (епископа) и устраивают ему, по возможности, торжественный прием. После первых приветствий, вся процессия - прибывшие и встречающие - направляются в отведенное заранее помещение, где после краткого молебствия преосвященный произносит поучение. Затем просматривает списки крещеных, брачующихся и умерших данной общины. Местные христиане беседуют с епископом: высказывают ему свои предложения, спрашивают его советов и указаний по разным недоуменным вопросам.

Иногда к приезду преосвященного приурочивается проповедь для язычников. В таких случаях заранее вывешивается объявление о прибытии в общину, "известного проповедника", епископа Николая. В назначенный час собирается публика, и проповедь начинается. Говорят: катехизатор, священник и, наконец, епископ. Речь его обыкновенно длится не менее часа и всегда производит сильное впечатление на слушателей.

Иногда речь епископа прерывается возражениями. Если можно разрешить возражение, не нарушая хода мысли, то это сейчас же и делается. Если же нельзя, то возражающего просят подождать до конца. По окончании проповеди, говорящий всегда обращается с вопросом: не имеет ли кто-либо из слушателей сделать возражения? Иногда завязывается целый диспут. Большое внимание преосвященного привлекали дети христиан. Справедливо видя в них будущее Церкви, преосвященный везде, где только можно, собирает их к себе, ласково беседует и наставляет их в вере. В каждой общине преосвященный остается дня по два, по три: обойдет непременно все дома христиан, присутствует на их собраниях, поучает, делает различные указания. С утра до глубокого вечера продолжается это архипастырское посещение христиан. Вот наступил вечер; все - и катехизатор и священник - разошлись на ночлег. Один епископ не спит; вынул свою записную книжку и тщательно записывает, что где видел, что кому сказал. Кончил записки, приступает к чтению различных сообщений и писем, на многие из которых приходится тут же писать ответы. А завтра опять встает чуть свет, опять отправляется по домам христиан, или едет на такой же труд в другое место. И так изо дня в день полвека работал неутомимый труженик"! Так трудился он на ниве Христовой. И, благодаря таковым трудам его, в настоящее время в Японии имеется около 300 православных приходов и около 40.000 православных японцев»⁹⁹.

На поездки по стране у него ежегодно уходило до двух месяцев. Обычно святитель Николай оставался в каждой церкви день-два, но иногда и больше. Он знакомился с жизнью общины, проверяя положение дел на месте, церковные порядки, нравственное состояние прихода, посещал дома христиан, говорил поучения. Прием Преосвященного Николая начинался богослужением, обычно служил местный священник, а потом сам святитель в епитрахили и омофоре говорил слово, сидя на табурете. Очевидцы рассказывают, что, поучая, он весь горел и зажигал сердца слушателей. Говорил он очень просто и понятно для самого простого человека - о начальных словах молитвы Господней, о радости, что у нас есть небесный Отец, о молитве за еще непросвещенных христианством братьев. "Однажды в молитвенном доме в деревне Вата Владыка сказал поучение на тему "Все, что вы делаете, делайте во славу Божию". «Есть люди, призванные на служение церкви или сами себя посвятившие Богу. Эти прямо совершают дело Божие и тем спасаются. Но всякий, оставаясь при своем деле, может точно так же делать дело Божие. Для этого необходимо свое служение совершать не ради славы, не из корысти, а для Бога, совершать его, как долг, возложенный Богом. Земледелец, учитель, воин, купец - все они необходимы для человечества, всем им быть повелел Господь. Пусть они трудятся в сознании этого, тогда одним исполнением своего служения получают Царство Небесное»¹⁰⁰.

С трепетной радостью встречали епископа Николая все общины. Его посещения были праздником. «Всех-то он приласкает, всех приголубит, совершит общую молитву, скажет длинную проповедь. Терпеливо выслушает святитель возражения и какого-нибудь язычника, пришедшего послушать его проповедь. Иногда в таких случаях получается целый диспут, но все это делается спокойно, без шума. Познакомившись с жизнью той или иной христианской общины, владыка посещал дома всех христиан, одобряя, утешая и благословляя их»¹⁰¹.

При посещении каждого прихода община собирала совет, и здесь вместе с архиепископом решали свои дела. Кроме того, в каждой общине периодически происходят собрания, где клир и народ

⁹⁹ *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке... Стр. 177-178.

¹⁰⁰ *Знаменский Ф., прот.* К двадцатипятилетию архипастырского служения преосвященного Николая, епископа Ревельского. "Прибавление к Церковным ведомостям", 1905, май, № 22, с. 895-899, с. 897.

¹⁰¹ *Платонова А.* Ук. соч., с. 56.

вместе беседуют, молятся, слушают поучения и рассуждают о своих приходских нуждах. Высшею же инстанцией церковного управления являются соборы. Они собираются ежегодно, попеременно то в Токио, то в Осаке, в конце июня. Сюда собираются духовенство, катехизаторы и выборные от мирян. Собор собирается в церкви, у амвона для архиепископа и старших священников ставят стол, а прочие садятся на полу. Архиепископ открывает заседание молитвою и поучением; затем читаются отчеты о состоянии приходов, решаются важнейшие вопросы по устройству и управлению Японской Церковью, производятся выборы священника, назначаются катехизаторы.

О внутреннем состоянии своей Церкви святитель так говорил: «как в первоначальной Церкви проповедь Христова учения сначала была устною, а потом в помощь и утверждение ей являлась проповедь письменная, так точно было и у нас. В помощь проповеди с первых времен Церкви основалось общество переводчиков, первоначальником которых явился сендайский молодой ученый Савва Корне: трудами переводчиков образовалась наша уже весьма значительная богословская литература. Явились издатели журналов и писатели, произведения которых составляли порядочную литературу оригинальных сочинений, по преимуществу брошюр. Женская половина нашей Церкви также являет на себе ясные следы попечения Божия о ней. Учащие наших женских школ в главном составе своем суть жены, навсегда и всецело посвятившие себя Богу, те же монахини, кроме монашеского одеяния. Без помощи воодушевляющей благодати Божией невозможны такая решимость и такая преданность в служении Божьему делу. Воспитавшиеся под их влиянием ныне жены церковнослужащих или еще девицы везде по церквям ревностно и разнообразно помогают церковному делу, т.е. благочестивые жены Японской Церкви совершают то же служение, которое совершали благочестивые жены Церкви первоначальной. Женское же усердие и искусство украшает наши храмы иконами, как вот эти, что на стенах храма и как множество других во многих иконостасах провинциальных церквей. Наконец, Господь наш Иисус Христос, Сам воспевший со Своими учениками в Сионской горнице, украсил Свою Церковь таким прекрасным пением, которое мы слышим здесь, и которым возбуждается и питается наше молитвенное настроение. Не без Божией помощи наставники и руководители его ведут это дело и все участвующие в нем исполняют его. Отсюда оно, вместе с кончающими здесь учение и поступающими в церковную службу, переходят в другие церкви и приносят духовную пользу.

О наших служащих в Церкви вообще я должен сказать следующее. Наши священнослужители и проповедники, наставники и наставницы, переводчики и писатели, учителя пения и псаломщики суть люди таких нравственных качеств и, большей частью, таких способностей и образований, что могли бы с большими мирскими выгодами для себя служить на гражданских поприщах. На церковной же службе у них нет решительно никаких выгод; у каждого из них едва струится тощий дымок из кухни; они со своими семьями едва питаются, едва имеют, во что одеться; ни наград, ни повышений, никаких приманок у них нет впереди. Что же удерживает их на сей службе, заставляет пренебрегать всеми мирскими благами из-за нее? Что, как не Бог Своим таинственным благодатным внушением! И, кстати сказать, счастливы они, что есть у них в душе то чистое высокое, к чему может коснуться Перст Божий, чтобы разбудить их, возжечь их ревность и делать их светочами для людей».

Но бедность священников и катехизаторов сильно угнетало святителя. И он не раз обращался к своим христианам с просьбами содержать духовенство самим прихожанам. Вот одно его «Окружное письмо к христианам Японской Православной Церкви»: «Возлюбленные братья и сестры во Христе, благословение Божие да осеняет всех вас, и да помогает вам и всей Церкви Божией возрастая из силы в силу. Господь наш Иисус Христос, посылая Своих учеников на проповедь Евангелия, не велел им заботиться о их пропитании, а сказал им, что служащие и принимающие их будут питать их. Вот слова Господа: "Жатвы много, а делателей мало... идите... не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви... в какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему... в доме том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои" (Лук.10, 2-7; Мф.10, 9-11). Что Господь установил, то всегда исполнялось, всегда и должно исполняться. Служащие проповеди от проповеди должны питаться; вообще, служащие Церкви от Церкви должны получать свое содержание. Но здесь, в Японской Церкви это еще не вошло в обычай. Чтобы подать пример христианской благотворительности, иностранные христиане до сих пор жертвовали на содержание здешних проповедников Евангелия и всех служащих. Неизвестно, долго ли это продолжится; во всякое время Японская Церковь должна быть готова принять своих служащих на полное свое содержание. Но теперь еще обычное пожертвование иностранных христиан приходит только с постепенным увеличением числа служащих Церкви и в то же время с постепенным возрастанием цен

на все жизненные предметы, сделалось это крайне недостаточным; оттого наши проповедники крайне бедствуют.

Почти отовсюду христиане просят к себе катехизаторов семейных, и наши катехизаторы почти все семейные. Получают же они от Миссии на свое содержание: катехизаторские ученики 10 иен (иена около нашего рубля) в месяц, помощники катехизаторов 12 иен, катехизаторы 14 иен, из них самые многосемейные 16 и иногда 18 иен. Истинно удивляться нужно, как Господь хранит их от голодной смерти, как они со своими семействами питаются, одеваются, и имеют все прочее для жизни на такие малые средства. Правда, в некоторых церквях христиане от себя оказывают помощь, но это весьма недостаточно. Так не может продолжаться далее. Возлюбленные братья и сестры! Умоляю вас исполнять заповедь Божию, позаботиться о содержании ваших проповедников. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем в вас телесное (1 Кор.9, 11), писал апостол Павел Коринфским христианам. Слово его простирается к вам о преподававших вам Евангелие душевного спасения. Помогите им кто чем может: служащий государству - от своего жалования, купец - от предмета своей торговли, земледelec - от плодов своей нивы, ремесленник от своих изделий и пр. Кто богат, давай от своего избытка, кто беден, отделяй от скудости своей. И всякий делай это с радостью, в той мысли и в той уверенности, что это руками человеческими приносимая жертва Богу, ибо по Божию повелению и в угождение Богу это делается. Помни всякий, что это будет не только телесная помощь проповеднику, но и духовная: проповедник, получая телесное, одушевляется благодарностью и вящей любовью к благотворящим и большей ревностью к исполнению своей духовной обязанности, а отсюда произойдет больший успех проповеди и оживление, и возрастание Церкви Божией везде, где это будет твориться. Итак, да возгреет Господь Своей благодатью в ваших сердцах ревность к исполнению Его святой воли о проповедующих вам слово спасения. Архиепископ Николай».

В другом письме святитель еще подробнее объясняет необходимость для христиан содержать своих священноцерковнослужителей. «Непременно все смотрите, пишет он, на помощь, оказываемую в содержании катехизаторам, как на пожертвование Богу, ибо это действительно есть таковое, как делаемое по повелению Божию и в угождение Богу. Эта уверенность удержит вас от смущения и неохоты жертвовать, если вы увидите, что катехизатор не всегда ревностно исполняет свои обязанности. Да не смущает вас это. Катехизатор ответит Богу за свое небрежение; вы же исполните свой долг, не переставая приносить Богу вашу жертву и будете иметь похвалу от Бога. Не переставайте приносить Богу раз определенное и обещанное даже тогда, когда по каким-нибудь причинам катехизатора нет в вашей церкви, например, когда он послан священником временно для проповеди в другое место, или же при распределении служащих Церкви, по недостатку катехизаторов, вы оставлены на время без катехизатора. Сделайте для себя обычаем, привычкою, обещанное Богу непременно приносить Ему, несмотря ни на какие обстоятельства, - и тогда основание самостоятельности вашей Церкви будет положено. Вы перестанете быть, как теперь, в зависимости от иностранной Церкви в постоянном опасении, что при внезапном отнятии от вас посторонней руки помощи, ваша Церковь подвергается страшному бедствию потерять всех своих служащих. Считаю уместным продолжить несколько об этом. Устроить содержание служащим церкви предмет не легкий. Трудность его испытывали у всех народов, во всех местах, где возникала Церковь Божия. И нигде не открыто другого лучшего средства содержания служащих церкви, как добровольные пожертвования людей, составляющих Церковь. И никогда, до скончания мира, не будет открыто другого, более совершенного средства, потому что так установил Бог, и не только устным повелением установил, но, когда явился в человеческом образе на Землю, Сам же подал пример подчинения сему постановлению. Смотрите, Господь наш Иисус Христос, немногими хлебами чудесно насытивший тысячи народа, Сам со Своими учениками, во время Своего земного служения чем питался? Чем содержался? Добровольными приношениями слушавших Его учение, - для чего у учеников Его был ковчежец, в который влагались приношения, употреблявшиеся на нужды Его и Апостолов, составлявших в то время число служителей Церкви. Всемогущий Господь мог бы указать сотни и тысячи способов содержания служащих Церкви, и Он указал только одно приношение лиц, составляющих Церковь. И причина сего так ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказал: где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Матф.6,21).

Ты жертвуешь на Церковь сокровище твое, быть может, тяжелым трудом добытое тобою; понятно, что вместе с сокровищем твоим идет и сердце твое и жертва Богу; ты непременно и мыслью и чувством участвуешь в деле Церкви, а не остаешься холодным зрителем его; итак, вместе с твоею

материальной помощью катехизатору, твоя мысль, твое чувство, твое участливое слово, твоя молитва помогают ему в служении его. Так и творится общее дело Церкви всеми членами, составляющими Церковь; катехизатор и священник проповедью и священнослужением в церкви творят это дело; ты трудом рук своих и душевным участием помогаешь в сем творении; благодать Господа, всегда пребывающего в Церкви Своей, невидимо содействует круговращению этого взаимного труда церковного; и таким образом совершается это церковное кровообращение в теле Церкви и тело растет из силы в силу. Так ли теперь в Японской Церкви? Нет, не так. Теперь служащий Церкви получает содержание от Миссии и не считает себя ничем обязанным местным христианам; от того и истинного чувства любви к ним и попечение о них не может возбудиться у него; местные христиане, ничем крепко не связанные с ним, холодно относятся к нему и к его делу; и церковное дело не творится, как должно, так как нет к нему достойного взаимного участия служащих Церкви и христиан; от того наши церкви так мало возрастают, не являют себя оживленными, а находятся как бы в полусонном состоянии. Совсем другое будет, когда христиане материальной помощью, а вместе с тем и сердечным участием и добрым словом и советом примут участие в деле Церкви, а служащие Церкви, отвечая на все это сердечной признательностью и любовью, одушевятся к исполнению своего служения всеми душевными силами".

Святитель Николай придавал большое значение печатному слову. Еще в самом начале своей деятельности святитель Николай говорил: "В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные разности с католичеством и протестантством. Мне много раз приходилось быть очевидцем того, как наши христиане, вооруженные знаниями, почерпнутыми из миссийских изданий, вели собеседования со своими соотечественниками католиками и протестантами и оставались победителями. Печатное слово должно быть душою миссии"¹⁰².

В 1871 году он привез с собой из России литографическую машину и с помощью студентов катехизической школы печатал свои лекции, молитвенники и иные катехизические материалы и библейские исследования. Это была первая христианская литература в Японии. Иконы производились также литографическим способом, их можно и по сей день видеть над царскими воротами в храмах Кусиро, Такасаки и Янайбара.

Во второй половине 1877 года Миссией стал регулярно издаваться журнал «Кёоквай хосци» (Церковный вестник). По возвращении из России в 1880 году он начал выпускать журнал "Православные новости". Он выходил дважды в месяц и был посвящен религиозному наставничеству, богословию, новостям Православия в целом и жизни приходов в Японии. Здесь печатались переводы и самостоятельные духовно-нравственные произведения японских авторов, главным образом молодых людей, окончивших русские духовные академии. В журнале отражалась и текущая жизнь Японской Церкви, что было важным для общения многочисленных приходов в разных концах Японии. В первом выпуске журнала святитель Николай, указывая его цель, выразил в религиозных терминах стремления периода Мейдзи к просвещению «через изложение тайны Православия на основе вечного закона ради исправления и исцеления упадничества, вызванного коррумпированными обычаями». Позже, в период митрополита Сергия, журнал стал называться «Православный вестник» («Сэйкё симпо» - «Ортодокс герольд»). Начиная с ноября 1912 года, он регулярно выходит под этим названием. Это старейший православный журнал в Японии и одно из крупнейших миссионерских изданий.

В 1893 году по инициативе группы студенток женской семинарии начал выходить ежемесячный литературный журнал «Уранисики» («Скромность» или «Сокровенная добродетель», досл. «Изнанка парчи»). В нем печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения. Святитель уделял серьезное внимание женскому духовному просвещению, понимая роль женщины в христианской семье¹⁰³. Он просуществовал до 1907 года. В это же время стал выходить журнал "Сейкео есва" ("Православная беседа"), в основном посвященный проповедям, речам и обсуждению религиозных истин. До 1916 года издавался популярный семейный журнал

¹⁰² Позднеев, Д. М. Архиепископ Николай Японский. (Воспоминания и характеристика). С.13-14.

¹⁰³ Антоний (Мельников), архиепископ Ук. соч., с. 53.

"Православное наставничество". Но самым влиятельным был журнал апологетического характера «Синкай» ("Море Духа"), который впервые вышел в 1893 году. Он издавался Сабуро Секитакэ, который известен также по переводу работы Владимира Соловьева "Эссе о Богочеловечестве". Журнал был посвящен богословским и философским вопросам и оказал большое влияние на формирование мировоззрения японских христиан. Его авторами были выпускники Токийской Православной Семинарии: Кисабуро Исикава, Ичиро Исигаме, Кейзо Минамото, Тосихару Сато, Эносукэ Хичуги, Масутаро Комиси, Какусабуру Сенума, Тойохико Ямада, Мичиро Мицуи. Благодаря своим оригинальным статьям и переводам журнал эффективно утверждал православную веру.

Кроме всех этих журналов вышло также большое число книг: библейские комментарии, проповеди, Катехизис, труды по церковной истории, жития святых. Издаваемые под руководством святителя Николая, эти книги со временем составили огромную богословскую библиотеку. Переводились и публиковались почти все православные литургические книги. Кроме журналов, издавались еще некоторые книги и брошюры, а также переводы богослужебных книг. Деятельное участие в издательстве миссии принимало, основанное святым Николаем, "общество переводчиков", знакомившее соотечественников с русской и европейской литературой - религиозной и художественной. Святитель благословлял и переводы светских произведений: "Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, нельзя не полюбить России"¹⁰⁴.

Святитель Николай уделял много внимания и миссийской библиотеке, имевшей не только духовный, но и научный и светские отделы. В «Положении для Русской Духовной Миссии в Японии» святитель Николай писал: «Миссионеры, кроме своих занятий, обязаны уделять часы для поддержания и расширения своего образования... Чтение книг и трактатов богословского содержания необходимо для преуспевания и разумения православного вероучения и для того, чтобы быть всегда готовым на разрешение вопросов, возражений и недоумений. Чтение научное также необходимо в стране, где на миссионеров будут смотреть не только как на представителей религии, но и как на представителей европейского образования»¹⁰⁵.

Кроме сего святитель устроил прекрасную православную библиотеку. "Библиотека православной японской миссии, пишет собеседник святителя Д. Позднеев, представляет собою поистине удивительное учреждение. Каким образом архиепископ Николай успел собрать такую чудную коллекцию книг, известно одному Господу Богу! Библиотека эта помещается в специальном здании, построенном со всеми противопожарными приспособлениями, какие только возможны. Одних европейских книг в ней насчитывается свыше 12.000 названий, из коих большинство на русском языке, но много также книг английских, французских, немецких. Независимо от этого существуют также особые коллекции книг, японская и китайская. Библиотека Миссии является удивительнейшим доказательством аккуратного и любовного отношения почившего архиепископа к делу Миссии и ее собственности. Каждая полученная книга не только заносилась им собственноручно в каталог, но после переплета он даже сам наклеивал ярлыки и ставил книги на полку. Библиотека до сих пор, в глазах православных японцев, составляет как бы святилище, куда доступ разрешается только лицам, преданным научным знаниям и стяжавшим полное доверие архиепископа. До самых последних лет архиепископ собственноручно в назначенные часы выдавал книги из этой библиотеки, собственноручно записывал их в отпускной журнал и собственноручно делал отметки о возвращении. Ясно, что при таком порядке библиотека оставалась и остается в идеальном порядке и сохранности. Только в самое последнее время выдача и получение книг доверяется владыкою ректору семинарии Сэнума".

Кроме того, святитель Николай мечтал о японской школе иконописания. Поначалу иконы для церквей заказывались в иконописной мастерской Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге. Но уже в 1880 году появилась возможность отправить туда на обучение художницу-японку. Ямасита Рин родилась в 1857 году в городе Касима (префектура Ибараки) в обедневшей самурайской семье и в молодости рисовала традиционные японские "укийо-э". В 16 лет ушла из дома, чтобы поступить в Токио в училище ремесленной эстетики. Начала она с изучения художественного гравирования, затем познакомилась с техникой письма маслом от итальянского учителя Антонио Фонтанези. Приняв православие, становится Ириной. И в декабре 1880 года отправляется учиться в Санкт-Петербург в сопровождении архимандрита Анатолия. Задачу, которую поставил ей Преосвященный

¹⁰⁴ Позднеев Димитрий. Ук. соч. с. 35.

¹⁰⁵ Цит. по: Архиепископ Антоний (Мельников). Ук. соч. С. 5-61.

Николай можно видеть из строк его письма: «из Вас выйдет превосходная иконописица, которая не только сама будет славные иконы писать, но и многих научит тому же искусству! То есть заведет здесь, вернувшись, иконописную мастерскую, соберет учеников и учениц и обеспечит православную японскую церковь иконописью, так что не нужно будет в этом отношении помощи заграничной церкви, каковую помощь по дальности расстояния не легко получить». Поселили Рин в Воскресенском Новодевичьем монастыре. Работала она тут сперва в золотошвейной и иконописной мастерской. Ее дневники свидетельствуют, как нелегко ей было привыкнуть к строгостям монастырского быта, к тяжелому петербургскому климату. Скрасило жизнь знакомство с Эрмитажем. Еще в училище она полюбила живопись эпохи Возрождения и с радостью копировала ее тут, в музейных залах. Проучившись три года в России, она покинула ее в марте 1883 года и возвратилась в Японию, чтобы жить уединенной жизнью, имея только несколько учеников. Вся ее дальнейшая жизнь была посвящена работе в миссии. Рин много писала для храмов и верующих, ее живопись отличалась яркостью, живостью. К сожалению, во время токийского землетрясения многие ее работы погибли. Провинциальные же школы сохранились. Одна из икон работы Ямасита Рин, подаренная цесаревичу Николаю в 1891 году, хранится в Эрмитаже. Скончалась первая японская иконописица в 1939 году в возрасте 83 лет.

Примерно в то же время получила известность и Масако Окамура (1858—1936). Она крестилась в 1875 году, окончила семинарию, открыла литографическую студию вместе со своим мужем Такесиро Окамура и стала известным литографом периода Мейдзи. Среди ее работ было и оформление православной Псалтири. Кроме Ямаситы учиться иконописанию в Россию была направлена и Хидеко Ои по окончании женской семинарии.

Епископ Николай вел активную миссионерскую деятельность. К 1890 г. в Японии считалось 215 церковных общин, с 17614 православными, 24 священнослужителя (в том числе и епископ) и 125 катехизаторов; в 1894 г. в Японии были окрещены 982 человека, в 1895 г. - 826, в 1896 г. - 937, в 1897 г. - 992, в 1898 г. - 970, в 1899 г. - 989, в 1903 г. - 1036 человек. К 1 января 1904 г. в Японии число православных христиан в Японии достигло 28230, входящих в состав 260 церковных общин; священнослужителей было 39, из коих трое — начальник миссии (преосв. Николай), настоятель посольской церкви в Токио, протоиерей Сергей Глебов, псаломщик и учитель церковного пения Дмитрий Львовский — русские, а остальные 28 священников и 8 дьяконов — японцы; кроме того в миссии было 12 японцев причетников-учителей церковного пения и 146 японцев проповедников. В продолжение 1903 г. крещено 1036 японцев. Учебных заведений миссии было четыре: в Токио — катехизаторское училище с 16 учениками, семинария с 70 учениками и женское училище с 81 ученицами; учащихся во всех этих училищах 28, в том числе 4 с академическим образованием и 2 из окончивших курс семинарии; в Киото — женское училище с 24 ученицами, при 3-х учительницах и 2-х учителях. При миссии общество переводчиков религиозных книг, в состав которого входило девять лиц.

Кто в силах перечислить все труды святителя Николая за 32 года его архиерейского служения? Это был человек неукротимой энергии, единой целенаправленности и пламенного трудолюбия. Он говорил: "На покой миссионеру, когда у него есть хоть капля силы служить своему делу, - это для меня представляется несообразным. Хоть умереть в той борозде, где Промысл Божий судил пахать и сеять"¹⁰⁶.

Архимандрит Сергей (Страгородский) писал: «Чуждая всяческих политических и культурных задач, наша миссия поставила себе целью проповедовать Японии Христа и Его учение в чистом виде... Оттого и благодать Божия... не покидает нашей миссии. Эта последняя сильна не материально и не количеством своих деятелей... а прямо благодатью Христовою и только ею одною. Что такое силы миссии? Нуль в сравнении с протестантскими и католическими. Против целых армий их миссионеров-европейцев у нас действуют исключительно японцы, новообращенные, лишь поверхностно образованные. Правда, во главе всего стоит преосв. Николай, воспитывающий проповедников, но ведь он совсем один. Здесь побеждают не люди, а благодать и истина... Епископ приводил мне много случаев из своей практики... где положительно видна эта независимость миссионерского дела от соображений и расчетов человеческих. Самые красноречивые, отделанные проповеди бываю подчас медью звенящею; а иногда совершенно небрежная, нелогическая, вообще неудачная проповедь (во время которой, говорил Владыка, и на слушателей смотреть-то стыдно)

¹⁰⁶ Антоний (Мельников), архиепископ. Ук. соч., с. 5-61, с. 30.

имеет удивительный успех. По большей части, и бывает так, что успех получается, где не было никакой надежды, а где все рассчитано чуть не с математической точностью, ничего не выходит. Так все и говорит, что есть Хозяин этого дела, Который Сам и направляет его, как угодно Ему.

Поэтому, и самые приемы нашей миссии носят на себе особый, чисто апостольский отпечаток¹⁰⁷. Католики и протестанты обычно сами наперед определяют, где будут сами проповедовать... В избранном городе устраивается миссионерский стан, поселяются миссионеры-европейцы. Заводится школа, больница. На все улицы посылаются катехизаторы-японцы; в народ разбрасываются брошюры религиозного содержания. Одним словом, пускаются в ход все доступные средства... Наметивши пункт, они насильно навязываются городу, не отступая ни перед чем.

Между тем в нашей миссии прием этот признается неправильным. Наши церкви, теперь разбросанные по всей Японии, зародились и развились сами собою, независимо от планов и соображений миссии. Несколько христиан приходят в город на заработки, для торговли. У них завязывается знакомство... Начинают собираться вместе по праздникам для молитвы и взаимного назидания в Слове Божиим, - вот церковь и открыта. Некоторые из язычников спрашивают их о вере, начинаются разговоры, споры, некоторые склоняются к вере. Христиане пишут общее письмо епископу или чаще на собор... с просьбой прислать им катехизатора.

...Конечно, посылаются иногда катехизаторы и просто попробовать, нельзя ли основать церкви в том или другом городе. Но миссия никогда не пыталась поставить свою волю на место воли Божией, никогда не упорствовала проповедовать, когда убеждалась, что проповедь в данном месте бесполезна, что воли Божией пока нет»¹⁰⁸.

Многие видели глубокий провиденциальный смысл в самом факте существования православной общины на японских островах. "Учение Православия не теория, построенная на догадках и соображениях человека, а объективная истина, полученная человеком извне, как всякая объективность в готовом виде. Человек не судия его, а только усвоитель и хранитель. Прежде всякого исследования источников вероучения, оно истинно, потому что объективно. Будучи таким, Православие не может удовлетвориться и признаком христианственности в жизни человека, - оно требует не внешнего послушания себе, не признания только своего авторитета и своих полномочий, - а нравственной работы над душой, реального усвоения Христова духа". Постепенность проповеди через разумное усвоение является залогом будущего успеха и в то же время "служит не малым тормозом к быстрому распространению Православия на первых порах... Везде оно будет верой национальной, потому что никому не принадлежит в частности, не носит ничьих цветов или знаков". А этого как раз не имеют все другие течения в христианстве. Православие - это самое христианство "во всей его полноте и простоте". "Русская скорлупа только хранит ядро, ни мало не влияя на его качества"¹⁰⁹.

«Как дар неба, а не человеческого разума, оно (т. е. Православие) выше мира и не определяется им, а наоборот, собою хочет переродить мир. Следовательно, и здесь, на Востоке, Православие, конечно, может войти и со временем, конечно, войдет так же полно, без перемены и без остатка, в национальное сознание, как оно могло войти в Европе, и так же станет истинно китайской и истинно японской верой, как в Европе оно стало верой греческой, русской и пр., - пусть только ничем не возмущается его первобытная чистота. Самая национальная исключительность Востока может послужить со временем в пользу Православия: она даст Востоку глубже пережить христианство внутри себя, она откроет путь к более естественному и более непосредственному сроднению с христианством восточной души»¹¹⁰.

В 1893 году иеромонах Сергей (Страгородский) после перенесенного жестокого плеврита вынужденно покинул Японию. Поначалу он был направлен инспектором в Московскую Духовную Академию, но расстроенное здоровье требовало более мягкого климата. Летом 1894 года вместе с иеродиаконном Андроником (Никольским), третьекурсником Академии, он был направлен в Самарскую губернию для лечения кумысом. На лечении о. Сергей готовил к печати свои дневниковые записи, впоследствии печатавшиеся в «Богословском Вестнике» в 1895-1896 годах под названием «На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера». К подготовке он привлек о.

¹⁰⁷ Который заключался в т. ч. в том, что избрание священнослужителей производилось всегда соборно.

¹⁰⁸ *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке. с. 119-121.

¹⁰⁹ Сергей (Страгородский), иером. Христианская проповедь в Китае и Японии // *Русский вестник*. СПб., 1893. Т. 224. Февраль. С. 25-26.

¹¹⁰ Там же. С. 27-28.

Андроника и, заметив его расположенность к миссионерству, стал уговаривать ехать с ним в Японию. О. Андроник не видел смысла уезжать из России, где миссионерам и жизни не хватает для распространения и укрепления веры Христовой, но, в конце концов, дал согласие. Назначение им в Японию пришло только через несколько лет, когда архимандрит Сергей служил настоятелем посольской церкви в Афинах, а иеромонах Андроник – инспектором Ардонской миссионерской семинарии в Осетии.

26 декабря 1897 года иеромонах Андроник и архимандрит Сергей прибыли в Японию. О. Сергей назначается преподавателем в Токийскую семинарию, а о. Андроник усердно изучает язык. Через месяц после приезда, 31 января 1898 года, о. Андроник смог отслужить всенощную на японском языке. «Первая его служба на японском языке, – писал епископ Николай, – очень тщательно приготовленная им: почти нигде никакой ошибки в произношении... По всему видно, что человек сей – великая надежда Японской Церкви»¹¹¹. Уже в мае он направляется на самостоятельную работу в Осака, где в 1882 году архимандрит Анатолий (Тихай) устроил миссионерский дом, храм и катехизаторскую школу, которая в 1884 году была закрыта, а о. Анатолий переведен в Токио.

Приехав в город Осака, о. Андроник нашел православную общину в плачевном положении. В храм ходило не более 10 человек, на клиросе читал и пел один псаломщик. Христиане, казалось, были рассеяны и невидимы в этом огромном языческом городе. О. Андроник решил сам идти к пастве. И в будние дни каждый вечер с 5 часов вечера он начинал обход домов христиан. В это время люди заканчивали свои работы и были свободны. Миссионер знакомился со всей семьей. Расспрашивал, где и при каких обстоятельствах они приняли христианство, кем и когда крещены дети. Если это были не коренные жители, то он расспрашивал, где они жили до переселения, какая причина побудила их переехать на новое место, какую жизнь проводили они на старом месте, исправно ли посещают церковь и так далее. И постепенно он уяснял себе всю картину их жизни, всего семейного и хозяйственного уклада, насколько они тверды в вере и каково их благочестие. Беседа шла за столом, хозяева подавали чай, и разговор от предметов житейских переходил к предметам религиозным. Темы непринужденной беседы сами давали повод для слова назидания, ободрения, а иногда и обличения и вразумления. Он рассказывал о жизни первых христиан, об их ревности и благочестии, о святых, о молитве и как нужно молиться, о христианских правилах и обычаях, которые должно соблюдать в жизни. И вместе со своими слушателями радовался и утешался духовной беседой. Так за вечер, часов до десяти, он успевал побывать в трех-четыре домах. За два года он узнал своих прихожан, их нужды и положение каждого. И постепенно храм наполнился, и уже не один псаломщик пел на клиросе, а большой смешанный хор.

Но полученный результат был не сравним с приложенными усилиями, что приводило молодого миссионера в уныние: «Я невольно остановился над вопросом о том, как трудно нам здесь действовать, когда у народа нет никаких религиозных связей с верой, да и мы не обладаем духом настоящих апостолов Христовых, не имеем их благодати, богато восполнявшей их крепкие силы. Впрочем, говорил я себе, если бы в России я так же неустанно действовал для народа, постоянно входя в его среду и говоря ему попросту, от души слово Божие, то там можно бы было высоко поднять приходскую жизнь; наш народ исполнен веры, только стоит немного его возбудить. ... А здесь вот сколько времени ходишь и в дождь и в грязь, и в немощи и в недосуг, и мало пробуждается народ, уже уверовавший прежде, но ослабевший; а относительно внимания язычников к слову о Христе нечего и говорить: не внемлют. И в этих сердечных противоречиях я долго и много ходил, сердечно молясь к Богу, да дарует нам Духа Своего Святого, наставляющего, умудряющего нас, просвещающего и исполняющего Своею Божественной силою, чтобы мы действительно были носителями и того Божественного учения, о котором вешаем, и Той Силы Божией, к Которой, как спасению всех, призываем народ»¹¹².

Напряженная деятельность о. Андроника приводит к серьезному расстройству здоровья и в марте 1899 года он покидает Японию; в это же время окончательно уезжает и архимандрит Сергей¹¹³. 23

¹¹¹ Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 673.

¹¹² Священномученик Андроник (Никольский). Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. с. 339–340.

¹¹³ 25 февраля 1901 года он был хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 6 октября 1905 г. - архиепископ Финляндский. С 6 мая 1911 г. - член Святейшего Синода. С 10 августа 1917 года - архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября 1917 года был возведен в сан митрополита. В 1922 г. соприкоснулся в обновленческий раскол; 27 августа 1923 году принес покаяние и был присоединен к Церкви. С 18 марта 1924 года - митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 года - заместитель Патриаршего Местоблюстителя. 8 сентября 1943 г.

октября 1906 года архимандрит Андроник был назначен помощником начальника Японской миссии и 5 ноября того же года хиротонисан во епископа Киотского. Священный Синод намечал его преемником архиепископа Николая, о чем немало тот просил. Приехав в Японию, он вновь горячо взялся за дело; однако снова тяжело заболел и был вынужден подать прошение об увольнении, которое и было удовлетворено 7 июля 1907 года¹¹⁴.

Война

С 1900 года вновь усилились антирусские настроения, которые не могли не сказаться и на отношении к Церкви. Наоко Симацу, профессор из Лондонского университета Биркбек, показывает, что сверх обычных ксенофобских настроений, направленных на всех иностранцев, к России в Японии формировалось особое отношение:

«Одержимость японских властей стремлением создать образ Японии как «цивилизованной нации» (бунмайкоку), способной завоевать симпатии Запада, означала, что и образ врага должен был создаваться в таком же режиме. Интересно также, что тяга проявить себя «цивилизированными» была очевидна и во внутривластных дебатах, но эффект был иным. По существу, японское видение России в военное время отражает проблему непростого сосуществования двух противоречащих друг другу направлений: с одной стороны — воинственный антироссийский настрой для внутреннего потребления во имя «защиты цивилизации», а с другой — официальное принятие конструктивного «цивилизационного курса» (бунмейрон) для потребления внешнего.

В целом образы России, сконструированные в сфере общественного мнения, были радикально антироссийскими, подчас доходя до демонизации врага. Ирония момента состояла в стремлении унижить русских по той простой причине, что японцам очень уж хотелось быть «цивилизированными». Ученые мужи полностью отдались идее обоснования исторической миссии для «цивилизованной» Японии — сражаться на стороне Запада против «варварской» России, которая угрожала миру во всем мире. В феврале 1904 года Шигенобу Окума в популярном журнале «Тайо» утверждал, что именно Россия, а не Япония представляла наибольшую угрозу миру в Азии. Между тем в передовице газеты «Йородзу Чохо» подчеркивалось: «Россия — это позор Европы; мы должны одолеть эту нацию во имя цивилизации, во имя мира и во имя человечества. Европа будет довольна тому, что на Дальнем Востоке есть нация, которая примет от нее факел цивилизации и разгромит Россию-смутьяна».

В этом сценарии Россия была изображена врагом западной цивилизации, а Япония рыцарем в сверкающих доспехах, спасающим Запад. Стоит ли напоминать о том, что пресловутый образ «желтой угрозы», созданный германским кайзером Вильгельмом II, неотступно преследовал японцев до конца войны»¹¹⁵.

Д. М. Позднеев приводит характерную выдержку из газеты «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь надо всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро своим гвалтом докучает мирному сну жителей». С ожесточением нападали на самые христианские таинства. Ненавидели всякое проявление Православия.

«Деятельность архиепископа Николая была сопряжена со многими скорбями. Его травили с двух сторон: японцы - как русского политического агента, шпиона, агитатора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские - как деятеля, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать... Все труды архиепископа объявлялись не только бесполезными,

---

собором русских иерархов был избран Патриархом Московским и всея Руси; 12 сентября состоялась его интронизация. 15 мая 1944 г. скончался.

¹¹⁴С 14 марта 1908 года Преосвященный Андроник назначен епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии. Не оставляет владыка и попечения о Духовной миссии в Японии. В 1909 г. собирает немалые денежные пожертвования и переправляет на нужды миссии. В 1910 г. в Новгороде гостит епископ Киотский Сергей (Тихомиров), читаются лекции о далекой Японии, христианстве и миссионерском служении. Лекции посещает большое количество мирян и семинаристов, собираются пожертвования на постройку храма в Хакодате. С марта 1913 года он — епископ Омский и Павлодарский. С июля 1914 года — епископ Пермский и Соликамский, с 1915 — архиепископ. 17 июня 1918 года был арестован большевиками и 20 июня был ими закопан живым. Прославлен как священномученик на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

¹¹⁵ Шимацу, Наоко. Возлюби врага своего. Родина. 2005. №10.

но и вредными. Архиепископа Николая спасли для дела две руководившие им во всю жизнь идеи: первая - идея апостольского служения, подвига распространения православия среди язычников; вторая - горячее убеждение, что его работа должна стоять вне всякой связи с политикой». И в другом месте: «Его проникало то, что он хранил в себе не для земной цели».

После того как в 1902 году был заключен союз между Японией и Великобританией, стало очевидно, что война Японии с Россией неизбежна. На соборе 1903 года епископ Николай вынужден был отвечать на чрезвычайно волновавший японских православных христиан вопрос, должны ли они участвовать в войне против России. Он ответил, что те должны будут выполнить свой долг перед своей родиной вместе со всем народом. В случае начала войны они должны будут относиться к России как к неприятелю, но «воевать с врагами не значит ненавидеть их, а только защищать свое отечество».

5 февраля 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Два священнослужителя, работавших в то время в миссии, вернулись домой. Духовенство и миряне японской церкви обратились к своему епископу с просьбой остаться в Японии. Епископ Николай отвечал, что он уже принял пред Богом решение остаться в Японии, в своей маленькой квартирке при соборе.

«Я надеюсь, что объявление военных действий не принесет с собою никакой перемены в деятельности нашей церкви. Катехизаторы будут продолжать проповедовать Евангелие Спасителя, ученики – посещать школу миссии, а я сам отдамся всецело переводу наших богослужебных книг...

Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать участия в общественных Богослужениях нашей церкви. Это не потому, что для меня будет опасно показываться в соборе, но доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране».

При общей ненависти к русским и к "русской вере" - Православию, Архипастырь, с присущей ему мудростью, объяснял своим пасомым, что истинный христианин должен быть выше национальных раздоров, что Православие - вера не греков или русских, а истинная вера, правильно прославляющая Бога, вера не одного народа, а всех людей, жаждущих истинного богообщения.

Будучи сам горячим патриотом, епископ Николай ясно понимал, что такой же патриотизм нужен и для Японии, поэтому он настойчиво требовал от своих последователей, чтобы они были верными сынами Японии. "Истинный христианин, - учил он, - должен быть истинным патриотом"¹¹⁶. Православным японцам святитель Николай благословил молиться о даровании победы их императору.

Во все приходы Японской Православной Церкви, встревоженные объявлением войны с Россией, святитель разослал следующее окружное письмо:

"Благочестивым христианам Святой Православной Церкви Великой Японии. Возлюбленные о Господе братья и сестры! Господу угодно было допустить разрыв между Россией и Японией. Да будет Его святая воля. Будем верить, что это допущено для благих целей и приведет к благому концу, потому что воля Божия всегда благая и премудрая. Итак, братья и сестры, исполните все, что требует от вас в этих обстоятельствах долг верноподданных. Молите Бога, чтобы Он даровал победу вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды. Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотечественникам, помня слова Спасителя: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15,13). Словом, делайте все, что требует от вас любовь к Отечеству. Любовь к Отечеству есть святое чувство. Спаситель освятил это чувство Своим примером: из любви к Своему земному Отечеству Он плакал о бедственной участи Иерусалима (Лук. 19, 41). Но кроме земного Отечества у нас есть еще Отечество небесное. К нему принадлежат люди без различия народностей, потому что все люди одинаково дети Отца Небесного и братья между собою. Это Отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного, действительно, составляют одну семью. Поэтому-то я не разлучаюсь с вами, братья и сестры, и остаюсь в вашей семье, как в своей семье. И будем исполнять вместе наш долг относительно нашего небесного Отечества, какой кому надлежит. Я буду как всегда, молиться за

¹¹⁶ Кониси, профессор университета. "Djsisha" (Киото). Воспоминания японца об архиепископе Николае. "Христианин", т. 1, январь-апрель, с. 665-669, с. 667.

Церковь, заниматься церковными делами, переводить богослужение. Вы, священники, усердно пасите порученное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие еще не познавшим истинного Бога, Отца Небесного, все христиане, мирно ли живущие дома или идущие на войну, возрастайте и укрепляйтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях. Все же мы вместе будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир. Да поможет вам во всем этом Сам Господь. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь. Великой Японии Православной Церкви епископ Николай".

Впоследствии Святитель рассказывал, что в период войны он совсем не читал газет, потому что они полны были ликованием победителей и насмешками над Россией. Он прекратил всяческую переписку с Россией и всецело посвятил себя переводческой работе.

Японец М. Кониси, профессор, хорошо знавший святого Николая, писал: "Последняя война для преосвященного Николая была большим испытанием, но он сравнительно легко переносил его, ибо стоял выше войны. Наш народ ясно понимал такое его отношение к войне и стал еще больше благоговеть перед ним"¹¹⁷.

Когда в Японию стали прибывать русские пленные (общее их число достигало 73 тысяч), святитель Николай с согласия японского правительства образовал «Общество духовного утешения военнопленных». Для окормления пленных им были отобраны 5 священников-японцев, владевших русским языком. Каждого пленного, прибывшего в Японию, японская церковь благословила серебряным крестиком. Пленные снабжались иконами и книгами. Сам владыка неоднократно обращался к ним письменно (самого святителя к пленным не пускали). После окончания войны Архиепископ Николай стал строить храмы и памятники на местах захоронения пленных, собирая пожертвования в России и в Японии: храмы в Мацуяма и Осака, памятники на русских кладбищах в Нагасаки, Идзумиоцу, Гоцу и др.

Один из пленных офицеров, познакомившись с епископом Николаем, писал на Родину: "Около 40 лет этот великий по своим убеждениям, твердый мыслью и светлый душой человек трудится на пользу православия. Хотелось бы, чтобы об этом епископе узнали в русском обществе и оценили его поистине трогательное отношение к нам и заботы о нас"¹¹⁸.

Исход этой самой позорной войны в русской истории, когда огромная империя не могла справиться с крошечным островным государством, епископ считал вполне закономерным.

"Не морская держава Россия. Бог дал ей землю, составляющую 6-ю часть света и тянущуюся непрерывно по материку, без всяких островов. И владеть бы мирно ею, разрабатывать ее богатства; заботиться о материальном и духовном благе обитателей ее. А русскому правительству все кажется, мало и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Манчжурию завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? "Незамерзающий порт нужен". На что? На похвальбу морякам? Ну вот и пусть теперь хвалятся своим неслыханным позором поражения. Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду... "Зачем Вам Корея?" - спросил я когда-то адмирала Дубасова. "По естественному праву она должна быть наша", - ответил он, - "когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею." Ну вот и сделали! Ноги отрубает! И Бог не защищает свой народ, потому что он сотворил неправду. Богочеловек плакал об Иудее, однако не защитил ее от римлян... Царские братья стояли во главе флота доселе, сначала Константин Николаевич, потом - доселе Алексей Александрович, требовали на флот, сколько хотели, и брали, сколько забирала рука; беднили Россию, истощали ее средства, - и на что? Чтобы купить позор! Вот теперь владеют японцы миллионными русскими броненосцами. Не нужда во флоте создавала русский флот, а тщеславие; бездарность же не умела порядочно и вооружить его, оттого и пошло все прахом... Исстрадалась душа из-за дорогого Отечества, которое правящий класс делает глупым и бесчестным". "Платится Россия за свое невежество и свою гордость: считала японцев необразованным и слабым народом; не приготовилась, как должно к войне, а довела японцев до войны..."

"Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы, Господь Бог, по-видимому, гнев Свой изливает на нас. Да и как иначе? За что бы нас любить и жаловать? Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем

¹¹⁷ Кониси, профессор университета. "Djsisha" (Kiomo). с. 665-669, с. 667.

¹¹⁸ Наши пленные в Японии. "Прибавление к Церковным ведомостям", 1905, май, № 21, с. 878-879, с. 878.

же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, ныне на всех степенях служения - поголовное самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс - коллекция подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного; духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис, - до развития ли ему христианских идеалов и освящения ими себя и других?... И при всем том мы - самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там - мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забрасаем... Нет, недаром нынешние бедствия обрушиваются на Россию - сама она навлекла их на себя. Только сотвори Господи Боже, чтобы это было наказующим жезлом Любви Твоей! Не дай, Господи, в конец расстроиться моему бедному Отечеству! Пощади и сохрани его!"

Новости из России не утешали. Николай, который не был на родине в течение 25 лет, прозорливым сердцем чувствовал надвигающийся мрак.

«Личность каждого коренится в своей народности, как растение в почве, — писал Николай после окончания русскояпонской войны, — разметайте почву или иссушите, обесплодите ее, — растение завянет. Так я вяну духом от посрамления моей родины поражением ее на суше и море, и внутренними неурядицами... Целый день такая тоска, такое уныние, что не смотрел бы на свет Божий, всякое дело из рук валится!»

Когда к нему пришел директор Семинарии сообщить, что во всех японских школах следующие два дня не учатся, а празднуют победу над Россией и заключение мира, и значит, в миссионерских школах следует сделать то же самое, Николай записал в своем дневнике: «Несомненно! Пусть себе и наши учащиеся празднуют и радуются не меньше других, имея на то полное право, как патриоты».

"Наказывает Бог Россию, то есть отступил от нее, потому что она отступила от него. Что за дикое неистовство атеизма, злейшей вражды на Православие и всякой умственной и нравственной мерзости теперь в русской литературе и в русской жизни! Адский мрак окутал Россию, и отчаяние берет, настанет ли просвет? Способны ли мы к исторической жизни? Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать. А в России, судя по ее мерзкой не только светской, но и духовной литературе, совсем гаснет вера в личного Бога, в бессмертие души; гнилой труп она по нравственности, в грязного скота почти вся превратилась, не только над патриотизмом, но над всяким напоминанием о нем издевается. Мерзкая, грязная, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой, грубый и невежественный народ. Бичуется ныне Россия. Опозорена, обесславлена, ограблена; но разве же это отрезвляет ее? Сатанинский хохот радости этому из конца в конец раздается по ней. Коли собственному позору и гибели смеется, то уже не в когтях ли злого демона она вся? Неистовое безумие обуяло ее, и нет помогающего ей, потому что самое злое неистовство ее - против Бога, самое имя которого она топчет в грязь, богохульством дышат уста ее. Конечно, есть малый остаток добра, но он, видно, до того мал, что не о нем сказано: "Семя свято стояние ее...". Душа стонет, сердце разорваться готово. Единственное утешение, что смерть не за горами, не долго еще мытариться видом всех мерзостей..."

Деятельность епископа Николая во время войны была крайне высоко оценена не только в Японии, но и в России. Император Николай II писал епископу Николаю в конце 1905 года: «...Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет все племена и языки (...). Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание брани и посреди вражды бранной удержат мир, веру и молитву в созданной вашими трудами Церкви».

24 марта 1906 года Святейший Синод возвел его в сан архиепископа Японского.

Редкий такт и мудрость, проявленные святителем Николаем в годы войны, еще более повысили его престиж в глазах японского общества, когда война кончилась. Вековые предрассудки пали перед незлобивым и самоотверженным сердцем святителя. Этот престиж святого способствовал быстрому преодолению психологических последствий войны и расчистил пути к русско-японскому сближению, которое продолжалось до 1917 года.

Послевоенное время принесло новые испытания. Поток пожертвований на православную миссию в Японии из России почти прекратился. Вследствие этого миссия вынуждена была уволить 30 катехизаторов и закрыть Катехизаторское училище.

В 1908 году в помощь Преосвященному Николаю на Киотоскую кафедру прибыл бывший ректор Петербургской Духовной Академии, епископ Сергей (Тихомиров)¹¹⁹. Он быстро овладел японским языком и занялся активной миссионерской деятельностью, разъезжая по всей Японии. Его появление весьма утешило архиепископа Николая, писавшего: «Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело миссии в добрых руках», а также: «...еще бы нам надо двух таких же ревностных миссионеров. Молим об этом Бога и обращаем взоры на Россию».

Личность святителя Николая

Личность святителя Николая была буквально вылеплена для апостольского служения. Воля и решимость святителя (доходящая до жесткости, когда речь шла об интересах Церкви), сочеталась в нем с мягкостью, сердечностью и тактом. Эмоциональная подвижность и некоторая вспыльчивость св. Николая компенсировалась в нем завидным самообладанием. Но, вероятно, самым редким его качеством, свойством подлинно боговдохновенным, была отличавшая его духовная просветленность, которую сознательно или бессознательно испытывали все соприкасавшиеся с ним.

«Его лицо обличало энергию, силу и необыкновенную волю, но глаза в то же время светились такой кротостью, добротой, мягкостью и смирением, что для меня стало понятно, чем покорял и подчинял себе этот человек массы язычников...», - писал о святителе Д. И. Шрейдер¹²⁰.

Иеромонах Андроник (Никольский) писал своем дневнике: «Февраля 21, 1898 года. Суббота под воскресенье первой недели Великого поста. Я исповедал епископа, а вчера сам у него исповедовался. Замечательно молодая у него душа: при немалых годах (62 года), при постоянных житейских и деловых передрыгах – совсем молодая душа молодого идеалиста, чуждая всякой неискренней прикрасы своего настроения, прикрасы хотя бы умными и высокодуховными словами; он, напротив, говорит так, как чувствует, – просто, искренне. И самопревозношения над другими никакого не заметно... И жаль мне его, бедного: как будто всегда он один и был, и есть, и будет, а мы все какие-то временные работники, постоянно готовы убежать, то рассорившись с ними, то заболевши».

Его нестяжательность и неприхотливость в быту была крайняя. Святитель все свои средства личные делал достоянием своей юной Церкви. Вот как про это говорит один из японских христиан Кавамото: «Преосвященный Николай служит живым образом миссионерского самоотвержения. Все свои материальные средства он отдает Церкви, покрывая этим недостатки в содержании школ, редакций, проповедников, и при всем том не отказывается жертвовать иногда на разные случайные нужды бедных христиан: на постройки новых молитвенных домов, на обеспечение бедных семейств после пожаров и землетрясений, столь частых в Японии, тогда как сам он лишается первых удобств жизни. Нам лично приходилось встречать его одетым дома, подобно какому-нибудь пустыннонику, в грубом, даже местами заплатанном подряснике, или же на улице идущего пешком, с одной тростью в руке»¹²¹.

Любовь епископа Николая не ограничивалась кругом его паствы, она простиралась и на язычников. Так, когда в 1891 году было большое землетрясение в трех провинциях (Тифу, Айчи, Мие), он собирал пожертвования от христиан других провинций, приезжих русских туристов и раздавал их всему пострадавшему населению.

В Хакодате просветителю Японии приходилось ютиться в одной комнате небольшого здания, где проходили учебные занятия и размещалась печатная мастерская.

Он одевался очень просто, но чисто и прилично. Зимой он надевал теплый суконный подрясник, а летом – бумажный, светло-желтого цвета. Единственным щегольством было употребление крахмального воротника. Только в большие праздники он надевал на себя роскошную шелковую рясу. Так же нетребователен был он и в отношении еды: утром и вечером пил чай, а кушал только раз в день. У преосвященного не было ни повара, ни лакея. Эконом Никанор, японец, готовил для него суп и второе блюдо, но третьего, сладкого, не приготавливал. Он очень редко кушал фрукты. Хотя и не отказывался от вина, но употреблял его редко и мало.

По городу он обычно ходил пешком. Во время объездов епархии ездил в тележках или верхом. О торжественных и богатых выездах никогда не было и речи.

¹¹⁹ Митрополит Сергей (Тихомиров) был арестован в апреле 1945 года как «русский шпион». Умер 10 августа этого же года.

¹²⁰ Шрейдер Д.И. Япония и японцы. СПб., 1895. Стр. 565.

¹²¹ Антоний (Мельников), архиепископ. Ук. соч., с. 5-61, с. 31.

Его неутомимая деятельность была расписана по часам. Вставал Владыка всегда в 5 часов. В шесть к нему являлся с докладом секретарь. В половине седьмого он приходит в семинарию или катехизаторскую школу, где в то время совершается утренняя молитва. С половины восьмого до двенадцати он читает лекции в катехизаторской школе и в семинарии. В двенадцать – обедает. После обеда читает выписываемые им японские журналы и газеты. Но в час пополудни он уже непременно сидит за своим письменным столом и занимается текущими церковными и миссионерскими делами. Епископ диктовал секретарю ответы на поступившую корреспонденцию, давал различные указания (каждый священник и катехизатор были обязаны давать ежемесячный отчет о состоянии дел). Эти занятия продолжаются вплоть до половины пятого. Вечером, в шесть, к нему приходит ученый-японец, с которым он и ведет свою работу по части перевода до 10 часов. По окончании этих занятий к преосвященному является его секретарь с корреспонденциями из разных церквей.

Дмитрий Позднеев с большим воодушевлением описывает то, каким он увидел святителя Николая: «Я познакомился с архиепископом Николаем в начале декабря 1905 года. Жил он в двух маленьких комнатах, из которых одна, 5 x 5 аршин, служила приемною, а другая, пожалуй, 7 x 5 аршин, была его кабинетом и спальней... Длинный письменный стол, узенькая твердая железная кровать, несколько шкафов с книгами и делами, этажерка с разного рода словарями — вот и вся обстановка архиепископского помещения. После службы в воскресенье маленькая приемная обыкновенно наполнялась народом: кучею японских детей и приезжими из провинции японцами, которым служивший у архиепископа японец Иван-сан приносил чаю, а сам владыка доставал из кабинета традиционную коробку бисквитов, которая обязательно опустошалась вся, — если что и оставалось, то рассовывалось преосвященным в широкие рукава кимоно японских детей. Архиепископ сам накладывал каждому по четыре – пять кусков сахара на стакан. Христиане приносили архиепископу Николаю подарки. Это был или горшок только что зацветшего в сезоне карликового дерева сливы, или букет ландышей с Хоккайдо, или еще какие-либо цветы, или редкая, своего улова, рыба, или сушеные фрукты, или японские сласти. Все эти подарки, кроме цветов, остававшихся украшать приемную, неизменно передавались Иван-сану для отсылки какой-нибудь японской семье, причем преимущественно отдавалось тем, где было много детей.

В течение пятилетнего пребывания в Токио я имел возможность постоянно наблюдать отношения архиепископа к японцам, и его манера обращения с ними вызывала всегда истинное изумление. Прежде всего, отличительною его чертою была общедоступность. В назначенные часы его мог видеть положительно всякий, и всякий мог черпать из его опыта и жизнерадостного отношения ко всему окружающему полную горстью энергию и силы. Приходит к нему кто-либо со скорбями и тяжелыми впечатлениями. «Ну, садитесь, — скажет он, — давайте горшки бить». «Горшками» называл владыка все жизненные тяготы, и он со строгой последовательностью требовал рассказа о них, и под его светлым взглядом на жизнь, под его ободряющими практическими указаниями все «горшки» разлетались вдребезги. Человек уходил бодрым, с жизнерадостным настроением, с шутивным отношением к тем затруднениям, которые полчаса назад казались ему непреодолимыми.

Японцев архиепископ Николай знал удивительно и ценил в них больше всего преданность императорскому дому и родине. «Вы можете говорить с японцем обо всем, — поучал он новоприбывших, — но никогда не позволяйте себе ни малейшей доли иронического отношения ни к верховной власти, ни к патриотическим чувствам, иначе вы навсегда утратите уважение всякого истинного японца. Здесь не знают и не понимают того космополитизма, которым сплошь и рядом заражены европейцы и русские. Любовь к микадо и к отечеству составляет сущность японца, и он требует таких же чувств и отношения к родине от всякого порядочного человека без различия национальности».

Далее симпатии владыки клонились к постоянно серьезному отношению к жизни, которое развивается в Японии во всяком человеке с детства. «Прочитайте самые начальные школьные пособия Японии, и вы увидите, что содержание статей в них чрезвычайно серьезное. Самые суровые жизненные истины внушаются детям с раннего возраста, и оттого они так дисциплинированы. Те детские шалости, которые в наших школах считаются совершенно обычными и на которые у нас почти не обращают внимания, здесь считаются совершенно недопустимыми». «Посмотрите на школьные скамьи и столы, — говорил он лицам, посещавшим его семинарию и женское училище. — Этой мебели десять лет, а вы не найдете на столах пятнышка, не говоря уже об обычных у нас порезах перочинным ножом, надписях и прочем».

Экспансивность японцев находила у архиепископа Николая снисходительное к себе отношение. «У всякого народа, как и у человека, имеются свои слабости, и у японцев, может быть, самую большую слабостью является их воспламеняемость. Когда японец чем-либо увлечется, он уже не знает пределов своему увлечению, и в таком случае ему прежде всего нужно высказаться. Он будет говорить, говорить, пока не устанет, и только тогда с ним нужно вступить в рассуждения».

«Дело Церкви святое, – говорил владыка, – здесь нет ни секретов, ни тайн. Всякий может говорить, но лишь так, чтобы слово не расходилось с делом»¹²².

Аспирант исторического факультета МГУ Владимир Трухин¹²³, обращает наше внимание на то, что существует еще одно важнейшее качество миссионера, о котором не писал еще ни один исследователь жизни святителя Николая, – но которое последний ставил на первое место. Вот что писал он в своем дневнике: «Какие качества д[олжны] б[ыть] у настоящего миссионера? Да прежде всего смирение. Приедет он смиренным незаметным, молчаливым. «Что и как здесь? Научите, пожалуйста», – да в год, много в два овладеет языком, завоеует симпатии всех христиан, войдет в течение всех дел по Миссии, все узнает внутри и вне; при всем этом, ни на волос не будет в нем заметно усилие проявиться, дать себя заметить. Он будет, напротив, везде устраниваться, стушевываться. «Я, мол, только учусь»; но сила будет говорить сама за себя, и будет возбуждать к себе доверие и симпатии. Мало помалу он скажет: «Позвольте мне заведовать тем-то (напр. изданием газеты, преподаванием такого-то предмета, таким-то проповедническим пунктом)». «Сделайте одолжение». Заведуемое идет гораздо лучше, чем прежде; все видят это и ценят; быть может у кое-кого и зависть возбуждается, и недоброжелательство шевелится, и змея противодействия и вражды родится, но обстоятельства говорят сами за себя, – их не изменить, ни вырубить нельзя (как теперь, напр., нельзя уничтожить явления, что о. Павел действительно превосходный священник и проповедник, а как бы многим хотелось затереть это!); миссионер молчит, – себе ничего не приписывает, простодушно не замечает, если есть недоброжелательство; а дела открываются все больше и больше. Кому же? Да ему, – он охотник делать; и понемногу дела стягиваются в его руки, п. ч. другие руки и рады выпустить все, там только язык силен болтать. И глядь миссионер, сам по скромности не замечая того, оказывается центром, около которого вращается все, сила из него истекает и вращает все и придает жизнь и быстрое движение всему. Много бы можно пофантазировать, да где он? Будет ли когда?... А сам ты отчего не таким? Куда нам!»¹²⁴.

Последние годы жизни и кончина

В 1911 году исполнилось полвека с тех пор, как молодой иеромонах Николай впервые ступил на японскую землю. К тому времени в 266 общинах Японской Православной Церкви было 33017 христиан, 1 архиепископ, 1 епископ, 35 священников, 6 диаконов (22 – в 1912 г.), 14 учителей пения, 116 проповедников-катихизаторов (120 – в 1912 г.), 33017 прихожан, объединенных в 266 общин¹²⁵. Японская Православная Церковь в своем внутреннем управлении лишь формально зависела от Святейшего Синода. Главным органом управления Православной Церкви служил Церковный совет. Ежегодно собирались церковные соборы с участием мирян, в том числе женщин. Выбор кандидатов в священники происходил на церковных соборах.

В июле 1911 года было торжественно отмечено 50-летие служения отца Николая на японской земле. Чествовала его и Родина – Святейший Синод, возведя епископа Николая в сан архиепископа, многочисленные почитатели его в России и русское посольство в Токио. Поздравили его и японский император, которому святой был признателен за проявленную веротерпимость, и губернатор Токио, японская пресса, иностранные миссии.

Ко дню юбилея – 30 июня 1910 года С.-Петербургская духовная академия в адресе, присланном в Токио, в восторженных выражениях писала: "Благоговеино преклоняясь перед дивным величием Вашего 50-летнего уже священнослужения, начавшегося в академическом храме Двенадцати

¹²² Позднеев Дм. Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика). СПб. 1912.

¹²³ Трухин Владимир. Святитель Николай Японский как миссионер. Цит. по www.pravoslavie.ru/put/1576.htm 21 января 2004.

¹²⁴ Дневники св. Николая Японского. Токио, издательство Хоккайдского университета, 1994. С. 210-211 (запись от 23 января (4 февраля) 1882 г.).

¹²⁵ Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. – М.: Православней Свято-Тихоновский Богословский институт. – 2003. – С. 127.

Апостолов, в самый годово́й день священной их памяти, С.-Петербургская духовная академия приносит Вашему Высокопреосвященству, своему избраннейшему из избранных студентов и своему в течение двадцати уже лет почетному члену, радостное приветствие, испрашивая себе у Вас, истинный святитель Христов, молитвы и благословения на новую, открывающуюся пред нею жизнь"¹²⁶.

В речи губернатора Токио г. Абе Коо звучал подлинный голос Японии, может быть, никогда так не обращавшийся к иностранцу. Он говорил о бывших военных и гражданских смутах и о той ненависти к иностранцам, которая еще существовала во время приезда святителя в Японию:

"Когда приехал маститый учитель Николай, считавший своим призванием распространение учения Божия в нашей стране, то, несмотря на то, что он находился среди таких грозящих опасностью обстоятельств государства и народа, претерпевая всевозможные неудобства, лишения, бедствия и страдания, он спокойно и невозмутимо с преизбыточной теплотой сердца, обращаясь к народу, усердно учил и тщательно увещевал и, стараясь положить основания православного христианства в нашей стране, наконец, достиг того, что приобрел множество усердных христиан, каких видим ныне. Между тем, и судьба нашего государства постепенно развивается, и мы видим нынешний прогресс. Мне кажется, что те заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, не ограничиваются успехами одного только миссионера, но также заключаются в том, что он содействовал цивилизации в нашей стране... даже те, кто некогда направляли на иностранцев сверкающие ненавистью глаза, теперь обращаются с ними с радостью, приветливостью и благоговением, и я, удостоившись счастья присутствовать на этом акте, почтительнейше приношу хвалу заслугам, оказанным маститым учителем Николаем как для мира и гуманности, так и для нашего государства, и вместе с тем молю Бога, чтобы Он ниспослал неисчислимые лета и блага на главу маститого учителя"¹²⁷.

Архипастырь согласился отмечать свой юбилей только потому, что знал, - японцы любят многолюдные собрания и торжество послужит большему распространению веры Христовой в Японии.

Юбилейные дни были приурочены к очередному собору Японской Церкви и прошли с большим воодушевлением, превратившись в общецерковное торжество.

Святитель Николай был исполнен чувства радости, благодарения Богу и сознания своего недостойнства. Он писал: "Я счастлив, что имею радость служить водворению Царства Божия на Земле. Нет важнее сего служения на земле... Наше служение есть духовное рождение чад Богу: какое же рождение не сопряжено с муками? И на них мы заранее должны быть готовы. Но у нас есть источник великого утешения. Чтобы бодро и успешно служить, нужно иметь предварительную уверенность в том, что не тщетно трудимся, что успех увенчает наше делание"¹²⁸.

О русской миссии восторженно отзывались другие иностранцы в Японии. Из английского отчета: "Наряду с Англиканскою Японскою Церковью стоит великолепная Русская Миссия под водительством лучшего христианина в Японии, Архиепископа Николая..."

Епископ Сергей (Тихомиров) писал¹²⁹: «Вот начали съезжаться со всех концов Японии иереи, катехизаторы... Их только одних было свыше 120 человек, а поусердствовали и многие провинциальные христиане. И вот 75-летний старец ежедневно с раннего утра до позднего вечера сидел в своей комнате и выслушивал доклады иереев о состоянии их приходов, рассказы катехизаторов о проповеди в пределах их ведения или любезно беседовал с какой-нибудь бабушкой, прибывшей из далеких краев. Начался собор... А на нем разве мало дела, волнений? Празднование юбилея... В течение одного дня литургия, молебен, обед в отеле с почетными гостями, музыкальный вечер. Этим мы, молодые, закончили. Но 75-летний старец был приглашен на собрание бывших воспитанниц Суругадайской школы. И пошел. И не столько слушал, сколько говорил и поучал. Нужно было удивляться тому, как мог вынести владыка такой день... А и завтра не обещало отдыха. Долгое, часа на четыре, чтение адресов. А вечером обед на дворе миссии, с сотнями христиан... Но

¹²⁶ *Казем Бек*. Апостол Японии Архиепископ Николай (Касаткин). (К 100-летию Православия в Японии), "Журнал Московской Патриархии", 1960, июль, с. 43-58, с. 44.

¹²⁷ *Епископ Сергей*. Празднование пятидесятилетия благовестнических трудов высокопреосвященного Николая в Японии. "Прибавление к Церковным ведомостям", 1911, № 40, с. 1699-1702; № 41, с. 1752-1758, с. 1757.

¹²⁸ Приветствие Архиепископа Японского Николая Миссионерскому съезду в Иркутске. "Православный благовестник", 1910, т. 2, № 16, август, кн. 2, с. 146-149, с. 146.

¹²⁹ Здесь и далее цит. по: *Еп. Сергей (Тихомиров)*. Памяти Преосвященного Николая, Архиепископа Японского //Христианское Чтение. 1913. Ч. 1.

мне кажется, и этот день прошел бы для почившего сравнительно благополучно, если бы не заключительный момент... Воодушевленный речами, владыка встал, с необыкновенной энергией как-то вздернул головой и голосом, которого достало на всю широкую площадь, занятую обедавшими сотнями христиан, предложил спеть японский гимн в честь Его Величества, императора Японии, благодаря религиозной терпимости которого христианство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительством, то, во всяком случае, полным благополучием. Нужно было видеть необыкновенное возбуждение владыки, его покрытое румянцем лицо. Нужно было слышать, как владыка не только первый запел гимн, но и пел его до конца... Нужно было видеть этот молодой огонь в столь немолодом уже организме. И тогда ясно было бы каждому, что этот момент не мог для расстроенного сердца владыки пройти бесследно...»

Нервное напряжение и переутомление этих дней обострили сердечную астму, которой страдал владыка. Силы его стали быстро таять.

Из записок епископа Сергия (Тихомирова) можно видеть, с каким истинно христианским смирением воспринимал апостол Японии похвалы словоохотливой печати. Незадолго до своей кончины архиепископ Николай в беседе с епископом Сергием сказал: "Всюду читаешь "Николай. Николай. Николаево дело. Увы, и в России это говорят. Неправда! Тысячу раз неправда! Божье дело! Божье дело! В России много про меня пишут. Только все, что пишут - идеализация. Издали не видно, - вот и пишут"¹³⁰.

Тогда же владыка сказал: "Разве есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянин вспахал поле? Разве может она хвалиться: "Глядите-ка, православные, что я наделала!"... Хорошо вспахано. Разве кто-нибудь скажет: "Хорошо соха вспахала". Все скажут: "Молодец мужичок. Ловко вскопал". Так и здесь... Николай. Сергей. Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотри же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть Божье дело растет! А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит, и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась. И за сие будем всегда Бога благодарить"¹³¹.

В последний раз архиепископ Николай служил в первый день Рождества Христова 1912 года. Через несколько дней его положили в больницу св. Луки в Цукидзи с тяжелым приступом сердечной астмы. Однако 5 февраля владыка, спешивший закончить свои дела, настоял на том, чтобы его доставили обратно на Суругадай, и вновь вернулся к переводческой работе. 13 февраля им было составлено последнее донесение Синоду о состоянии дел в миссии. 15 февраля владыка потребовал возобновления проходивших обычно в соседней комнате и отмененных по рекомендации врачей занятий хора и попросил исполнить любимое им «На реках Вавилонских».

Ночью начался бред, во время которого умирающий несколько раз произнес слово «Воскресение». 3 (16) февраля в 7 часов вечера (по-петербургски около 12 часов дня) зазвонил большой храмовый колокол, извещавший о кончине святителя Николая.

Епископ Сергей пишет: «Не стонет уже владыка. Не делает ему впрыскиваний сестра. Лишь тихое чтение Слова Христова, на служение которому владыка отдал всю свою святую жизнь, нарушает таинство смерти, столь очевидное у постели еще так недавно, всего вчера, оживленно беседовавшего и составлявшего план на 10-летнюю работу. (...)

Тело высокопреосвященного архиепископа лежало в крестовой церкви... В субботу 4 февраля утром и вечером после всенощного бдения, в воскресенье после литургии и вечером, в понедельник 6 февраля утром и вечером здесь были совершены торжественные панихиды, всегда в переполненной церкви. Владыка лежал еще не в гробе, ибо гроб не был готов. Чудный обычай мне пришлось наблюдать в эти дни, впервые за время своей службы в Японии! Известная группа христиан, по взаимному соглашению, приходит к телу почившего с вечера и бодрствует до утра, слушая чтение Евангелия.

Обычай этот есть и в обычной жизни, при погребении знакомых... Трогательно было видеть старичков и старушек, в полудремоте, но около своего Дай-Сюкео (владыки) проводящих ночь... Умилительны были матери семейств, приходившие со своими грудными ребятами и здесь же располагавшиеся с одеялами... Но мне не забыть одной ночи. Она тем сильнее поразила меня, что была почти неожиданна. Конечно, плохо спалось. Немного нападет забытье, — очнешься: через стену в церкви читают св. Евангелие... И с такою горечью в который раз уже почувствуешь, что все

¹³⁰ *Сергий, епископ (Тихомиров)*. Памяти преосвященного Николая, с. 3-76, с. 49.

¹³¹ Там же.

это не сон, а горькая действительность... Так было и в эту ночь. Тянуло к владыке. Пошел. Открываю дверь. И что же? Вокруг тела владыки сидят по-японски девочки нашей женской миссийской школы, человек 40. У всех в руках св. Евангелие и зажженные свечи. Все с благоговением в последний раз научаются от безмолвного владыки словесам Христовым. Я обомлел от неожиданности. Заплакал. И возвратился домой... Да, велика и искренняя была любовь владыки к своим христианам, нежна была привязанность его к школам. И поняли это христиане. Почувствовали это своим сердцем ангельские души воспитанниц. Любовь к своему владыке привела их на всю ночь разделить с ним безмолвие смерти. Но говорил им владыка через Христово слово».

Тело владыки было отерто святым елеем от мощей святителя Иоасафа Белгородского. После кончины о. Николая японский император Мэйдзи лично дал разрешение на захоронение в пределах города. На деньги, пожертвованные А. П. Синельниковой, был куплен небольшой участок земли на кладбище Янака (район Уено), где 9 (22) февраля и было совершено его погребение.

С утра на четырех престолах было отслужено четыре литургии об упокоении души архиепископа Николая. В 11 часов в соборе Воскресения Христова началось отпевание, совершавшееся, главным образом, на японском языке. На его похоронах присутствовали принц Каин-Ин Сапондзи-Уци-да-Сайто Иай, министры, представители иностранных посольств и духовных миссий, русская колония в полном составе. Были возложены сотни венков, в том числе, от принца Каин-Ин, от президента японского общества Терауци Гото, от российского поверенного в делах. Во время отпевания был торжественно возложен великолепный венок с иероглифом «Высочайший дар», присланный от императора Японии – этой чести иностранцы удостаивались исключительно редко. По свидетельству епископа Сергия, прощаться с владыкой пришло несколько сотен тысяч японцев. После отпевания гроб был обнесен вокруг собора и установлен на колесницу. Похоронная процессия, растянувшаяся на десять километров, направилась к кладбищу. «Рвет неистово хоругви наши ветер. Пришлось их нести в опущенном положении. Идут воспитанники, воспитанницы. Все в однообразных костюмах. У всех в руках пальмовые ветви, символ веры в победу дела владыки в Японии. Многочисленные цветы, сотни венков. Святые иконы, кресты. Иереи, диаконы в священных облачениях... Многие катехизаторы в стихарях. В полном облачении с посохом в руках епископ. Ордена владыки¹³². Все принадлежности архиерейского сана, носившиеся владыкою. В заключение колесница с дорогим гробом, представитель России в шитом золотом придворном мундире. И лента, бесконечная лента христиан...».

По свидетельствам современников, в Японии того времени после императора не было человека, пользовавшегося в стране такой известностью и любовью. Японцы (и христиане, и язычники) уже при жизни почитали владыку Николая как святого¹³³.

10 апреля 1970 года святитель Николай причислен к лику святых как равноапостольный, ибо в Японии святой уже давно был чтим, как великий праведник и молитвенник пред Господом. Имя Святителя знала вся Япония и почитала. Даже через 58 лет после его кончины, во время канонизации, когда верующие хотели перенести его святые мощи с кладбища в собор, им это не разрешили, сказав, что святой Николай принадлежит всему японскому народу, независимо от вероисповедания, и останки его должны остаться на народном кладбище¹³⁴.

Ему составлена служба, написанная митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым) и опубликованная в 1978 году (ЖМП. 1978, № 5, стр. 73—80). Память ему была установлена 3 (16) февраля в день кончины и в Соборе Смоленских святых.

Святитель Николай тайну успешного церковного управления раскрыл в письме к покинувшему Японию архимандриту Сергию (Страгородскому). «Преосвященный Николай в этом письме ставит вопрос, что значит иметь способность к руководительству, к управлению церковью. «Сердце тут нужно, - способность проникнуться нуждами ближнего или ближних, почувствовать скорби и радости ближних точно свои, - и в то же время хладнокровное размышление, как устранить скорби и упрочить радости, - и решимость поступить в указываемом сердцем и умом направлении, и твердость и авторитетность сделать поступок правилом для других, и пр., и пр., смотря по

¹³² Ордена святителя Николая Японского: св. Анны 1-й степени, св. Владимира 1-й степени, св. Владимира 2-й степени, св. Александра Невского, св. Александра Невского с бриллиантами.

¹³³ *Сергий (Тихомиров), епископ.* Памяти Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского (К годовщине кончины его 3 февраля 1912 г.) // «Христианское чтение». Ежемесячный журнал издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 1913. – Том. ССXXXIX. – С. 71-76.

¹³⁴ *Антоний (Мельников), архиепископ,* с. 5-61, с. 47.

обстоятельствам. Я, когда посещаю церковь, как бы мала она не была, на то время делаюсь всецело членом ее, так что для меня в то время других церквей, да и всего мира, как будто не существует (если приходят письма из других церквей, мне и в голову не приходит прочитать их среди дел той церкви, а читаю ночью освободившись от всех других дел). Естественно, что все состояние той церкви, со всеми местными нуждами, скорбями и радостями, до малейших частных, все целиком вольется в мою душу, - и трудно ли затем обсудить, посоветовать, убедить, настоять и проч.? Все это так просто, все само собою льется с языка, с сердца. Только нужно иметь благоразумие, не обращать все в брызги, исчезающие бесследно; систематичность и постоянство нужны, нужно не забывать, где и кому сказано, что постановлено, и наблюдать, чтобы было исполнено. Для этого я веду по церквям записи, и притом разные: о церквях, о катехизаторах, о молитвенных домах, о сказанных проповедях и наставлениях, аккуратно записывая все в четыре тетрадки в каждой церкви»¹³⁵.

Трудами святителя были обращены в Православие около 40 тысяч японцев (для примера скажем, что Корейской миссией, существовавшей приблизительно в то же время, было обращено менее тысячи человек, а Китайская миссия, основанная на 10 лет ранее Японской, только в 1902 году получила собственного епископа). Миссионер-гигант, - так называли архиепископа Николая инославные миссионеры, трудившиеся в Японии одновременно с ним. Николай был канонизирован Русской Православной Церковью как «равноапостольный»: он, придя на совершенно пустую ниву, оставил после себя национальную Церковь, обладавшую таким запасом прочности, который позволил ей пережить и многолетний отрыв от Матери-Церкви, и антихристианскую политику японских властей 1930-40х годов, и антирусскую политику периода американской оккупации.

Заступивший на его место помощник его, преосвященный Сергей (Тихомиров), епископ Киотоский и будущий митрополит Японский, в первом отчете своем Святейшему Синоду нашел слова, которые могут служить лучшей эпитафией над гробницей почившего: "Все, что есть в Японской Церкви доброго, до последнего христианина в храмах, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в переводах богослужебных книг, есть дело его христиански-просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли, сделавших его избранным сосудом благодати Христовой"¹³⁶.

Литература

Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Дневники 1870-1911 гг. СПб.: Библиополис. 2007.

Святитель Николай Японский «...Пастырь - это соха на Божьей ниве» // Русское Воскресение. Православная газета (г. Владивосток). № 5 (11) 2004. С. 7

Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Миссионерский год в Японии. - Тверь: Булат, 2004.

Архиепископ Антоний (Мельников). Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. // Богословские труды, 1975, сб.14.

Архиепископ Иоанн (Разумов). Святейший Патриарх Сергей (жизнь и деятельность). Псков. 1965. Машинопись.

Епископ Сергей (Тихомиров). Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского. К годовщине кончины его 3 февраля 1912 г. // Христианское чтение. - СПб., 1913. - Ч.1. - С. 3-76.

Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера), Сергиев Посад, 1897.

Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории. 1998

Архимандрит Георгий (Тертышников). Святой Равноапостольный Николай, Архиепископ Японский. Фессалоники: 1995.

Протоиерей Прокл Ясуо Ушимару. Японское православие и культура периода "Мейдзи". // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21-28 июля 1986 года.

Бесстремянная Галина. Православный перевод Священного Писания на японский язык. www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41160.htm

¹³⁵ *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. На Дальнем Востоке...Стр. 177-178.

¹³⁶ *Казем Бек*. Ук. соч., с. 43-58, с. 58.

Васильев, А. Из воспоминаний об архиепископе Японском Николае. // Журнал Московской Патриархии. – 1962. – №6. – С.75-76.

¹ *Васильева Е.Б.* Христианство в Японии эпохи Мэйдзи и проблемы культурной идентификации японцев // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. Ч.1. – Владивосток: ДВГУ. – 2000.

Векишина Н. М. Православие в Японии // «Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность». Материалы конференции. – Санкт-Петербург. – 2004.

Верина Анастасия. Миссия в стране Восходящего Солнца.

<http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=771&did=193>

Гузанов Виталий. "Святитель Николай Японский", журн. "Япония сегодня", 1999, июль.

Жуков А.Е. История Японии. Т. 2. 1868-1998. М., Институт востоковедения РАН. 1998.

Зенина Л.В. Японские ученые о Российской духовной миссии в Японии // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 1996. Вып. 2. Памяти Святителя Николая, апостола Японии (1836-1912).

Иванова Г.Д. Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836-1912). СПб., 1996. Вып. 2.

Канда Регина. Храм на холме Суругадай www.300.years.spb.ru

Кедров Н. Архиепископ Николай Японский в письмах к протоиерею Н. В. Благоразумову // Русский Архив. — СПб.: 1912. — № 3. — С. 379—402.

Макаров С.О. Православие в Японии. СПб., 1889.

Накамура Синтаро. Японцы и русские. М.:1983 г.

Накамура К. Св. Николай – один из первых японистов России. // Япония сегодня. -2004. – №11. – С.6-8.

Николай-До: Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневника [Составитель, комментарии А.Чех] – СПб.: Библиополис, 2001.

Платонова А.Ф. Апостол Японии. – Петроград, 1916.

Позднеев, Д. М. Архиепископ Николай Японский. (Воспоминания и характеристика). – СПб.: Синодальная типография, 1912. *Попов А. В.* Русское зарубежное православие до 1917 года и деятельность русских православных духовных миссий

Саблина Э. Пути-дороги паломницы из России, журнал Знакомьтесь - Япония. 1999. № 26, 2000. №27.

Сеодзи С.Н. Как я стал христианином // Русский вестник. СПб., 1891. Т. 217. Ноябрь.

Стамулис Иаков. Восточно-православное богословие миссии сегодня. // в сб.: Православная миссия сегодня. Спб.: "Апостольский город", 1999.

Суханова Н.А. Цветущая ветка сакуры. История Православной Церкви в Японии. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы.2003.

Трухин Владимир. Святитель Николай Японский как миссионер. Цит. по www.pravoslavie.ru/put/1576.htm 21 января 2004.

Уэно Ё., "Весточка из далекого прошлого", журнал Знакомьтесь - Япония, 2000. № 28.

Шаталов О. В. Святитель Николай (Касаткин) в первый период деятельности Российской православной миссии в Японии (1861—1875 гг.) // Исторический Вестник. №3-4, 2000.

Шимацу, Наоко. Возлюби врага своего. Родина. 2005. №10.

Шрейдер Д.И. Япония и японцы. СПб., 1895.